

18+

Лара
Дивеева

ТОТ САМЫЙ
ОДНОКЛАССНИК

Лара Дивеева
Тот самый одноклассник
Серия «Чёрно-белое», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68484296

SelfPub; 2023

Аннотация

Со школьных лет Ника помнила Данилу Резника – популярного, привлекательного шалопаю. С точки зрения учителей он был ужас как плох, а для девчонок – чудо как грешен. Для Ники он был источником вдохновения для выпускной картины, и только. Однако чувства Данилы всегда оставались для неё загадкой. Прошли годы, и они встретились. Случайно. Ника бы и рада не влюбиться, но не может устоять перед магией бывшего одноклассника. Её затягивает всё глубже, закручивает всё сильнее, пока череда событий не сбивает её с ног. Иногда самое правильное, что ты можешь сделать, – это допустить ошибку.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Резник	19
Глава 2. Данила	52
Глава 3. Мужчина, которого я люблю	97
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Лара Дивеева

Тот самый одноклассник

Персонажи, места, события и названия являются выдумкой автора. Любые совпадения являются случайностью. Суждения героев не отражают мнение автора, их поступки не являются рекомендацией. Фото на обложке Volodymyr Tverdokhlib по лицензии shutterstock.

Пролог

Это четвёртая чашка кофе. Ч-ч-четвёртая. Меня уже потряхивает, но я упорно не сдаю позиции. Приникнув к окну кафе, смотрю на строгое здание, пропитанное запахом денег и успеха, где я только что провалила интервью.

Выслеживаю соперницу, чтобы увидеть, как она выйдет из галереи с торжествующей улыбкой на красивом лице. Тогда я признаю поражение.

Где же она?

Интервью может длиться очень долго, если оно включает в себя секс.

Со мной разобрались за тридцать минут. Посмотрели портфолио работ, обсудили современное искусство, а потом владелец галереи прижал меня к стене, и на размышления осталось от силы пять секунд.

– Я щедрый поклонник молодых талантов, – влажно прошептал и приподнял бровь в ожидании моей реакции. Моей немедленной и ожидаемо положительной реакции.

Размышлять я не стала, а зря. Ведь могла сдержаться и повести себя вежливо, так нет же, отпрыгнула в сторону, как дикарка. Ещё и взмахнула папкой, чтобы защититься от посягательств на мою честь. Мужик оскорбился, а он большой человек в городе. Меценат Трофим Лиознов, один из тех, кто негласно определяет «моду» в искусстве. Что (вернее кого)

он выберет для частной выставки, то и станет открытием сезона и привлечёт море внимания. Самое интересное в его галерее – это зал молодых талантов, где рядом со знаменитостями выставляют работы таких надеющихся и жаждущих, как я. За место в этом зале бьются семьдесят художников, включая меня. Этот конкурс – пропуск в новую жизнь, полную признания, покупателей и собственных выставок. Продаётся то, что модно, а я люблю кушать и спать в тёплой постели, и за это приходится платить.

Не стоило обижать Лиознова, могла немного пофлиртовать и притвориться, что согласна. Побегала бы от него до конца конкурса, а потом что-нибудь придумала. А теперь вот Успенская демонстрирует меценату свои таланты. Мерзкая девица, из тех, кто улыбается и льстит, а потом бьёт в спину. Да и работы её не в моём вкусе – серия картин *«Все мужики одинаковы. Голые мужчины, вид сзади»*. Сидят на лавках – сутулые спины, дряблые мышцы, по бокам свисают жировые складки. На задницы смотреть не хочется.

Уж Успенская не станет отталкивать Лиознова, она покажет ему вид сзади и не только.

Дверь галереи открывается, и я прищуриваюсь, глядя сквозь сумерки. Название кафе на оконном стекле частично закрывает обзор. *«Аромат»*. «Аро», потом огромная чашка, потом «мат». Смотрю, как на крыльце галереи Лиознов обнимает Успенскую, и только мат в голову и лезет. Девица льнёт к пожилому мужчине, хихикает, трётся. Папка со

снимками её работ упала в сугроб и недоуменно разевает рот на декабрьском ветру.

Не будет мне выставки, так и останусь никому не известной учительницей рисования. Это очень обидно, ведь я прошла первый этап, и меня отобрали в десятку полуфиналистов. Окрылённая, я посмела надеяться на удачу, и вот результат. Надо было поверить слухам о Лиознове и не лезть в мир, в котором мне не место. Но обидно ж, ё-моё!

– Сто процентов, она ему дала. Или даст сегодня вечером, а пока позволила снять пробу, – раздаётся насмешливый голос за спиной.

– Резник!

– Ух ты, какая честь – Ника Туманова помнит моё имя! – смеётся бывший одноклассник.

Как не вовремя. Все эти годы я старательно избегала школьных знакомых, а тут в самый неподходящий момент, да ещё и Резник.

Отвернувшись к окну, наблюдаю, как Успенская склоняет голову на грудь Лиознову.

– Хочешь, ей ничего не отломится? – Резник усмехается.

– Что не отломится? – Не хватало, чтобы о моих неудачах пошли слухи.

– Если хочешь, она ничего не получит. Ни выставки, ни рекламы.

Наспех перебираю в памяти школьные воспоминания.

Резник – гитарист, по вечерам работал в магазине музыкальных инструментов. Прогуливал уроки рисования при любой возможности. Откуда он знает про выставку?

– Нет, не хочу, – отвечаю слишком резко, потому что на самом деле ой, как хочу. Если я не выиграю, то пусть в тройку финалистов попадут достойные, а не Успенская с её дряблыми мужскими задницами.

– Точно не хочешь? – Резник улыбается одними губами. Со школьных времён прошли годы, но он не изменился, выглядит всё таким же шалопаем. Цветные кеды, рваные джинсы, на голове модный беспорядок. Но первое впечатление обманчиво. Резник – продуманный и тщательно инсценированный шалопай, потому что хочет таким казаться. Всегда хотел, это его бренд. На каждой детали внешнего облика – дизайнерский штамп, даже на лёгкой небритости.

– Точно не хочу.

Резник цепляет мой стул ногой и двигает ближе к себе. Сердце подпрыгивает, то ли от рывка, то ли от внезапной близости постороннего мужчины.

То ли потому, что этот мужчина – Резник.

– Глянь-ка мне в глаза, Ника Туманова, и скажи правду, – говорит тихо. – Я очень не люблю, когда мне врут, и ты об этом знаешь.

Удивлённо моргаю, потому что на большее не способна. У меня шок. Я не видела Резника со школы, мы даже толком не поздоровались, а он сразу лезет в дебри. Хотя и раньше был

не без странностей. Но уж очень привлекательный парень, одноклассницы на него отвлекались.

Не успеваю ответить, как он резко отодвигает стул и направляется к выходу. Остановившись у двери, взглядом показывает на происходящее на улице и громко спрашивает:

– Как её зовут?

На меня смотрят все посетители кафе. Реально, все. Даже бариста облокотилась о кассу и ждёт моего ответа.

– Марина Успенская.

Подмигнув, Резник выходит из кафе и направляется ко входу в галерею навстречу воркующей парочке. Жаль, мне не слышно, что он говорит, потому что лицо Успенской мгновенно преображается. Повернувшись к Резнику, она смеётся и трясёт рыжей гривой. Красиво, как пожар на снегу. Лиознов недовольно хмурится, пытаюсь удержать «молодой талант», но та уже вырвалась на свободу и восторженно обливается на Резника.

В кафе тихо. Посетители наблюдают за разыгравшейся сценой, пытаюсь прочитать сказанное по губам. Вот и я ломаю голову. У Марины есть реальный шанс выиграть конкурс, который запустит её карьеру. Как Резнику удалось отвлечь её от заветной цели? А она и вправду отвлеклась. Попрощалась с Лиозновым, и тот поджал губы и скрылся в здании. Взяв Резника под руку, Успенская мурлычет что-то нежное ему на ухо. По крайней мере, мне так кажется. Такие женщины, как она, мурлычат на ухо мужчинам. Кошки.

Я не кошка.

Куда мне до кошек! Успенская грациозная, женственная. Прижимается, заглядывает в глаза, а потом – чтоб её! – целует Резника?! Вот так, сразу? Резник отвечает на поцелуй, захватив рыжие волосы в кулак. Три минуты знакомства, а они целуются посреди улицы. Не может этого быть, они наверняка встречались раньше. Хотя почему не может быть? В школе девчонки чего только ни делали, чтобы заполучить крупницу внимания Резника.

Новоиспечённая парочка выходит на проезжую часть, и Резник ловит такси. Переговорив с водителем, он, как истинный джентльмен, помогает Марине устроиться на сиденье. Протянув водителю несколько купюр, хлопает ладонью по крыше. Таксист отчаливает от заснеженного поребрика и вливается в поток машин.

Несмотря на расстояние, мне очень хорошо виден шок на лице Успенской. Развернувшись на сиденье, она смотрит на Резника через заднее стекло такси. Всё ясно, она-то решила, что они поедут вместе.

Что могу сказать? Данила Резник в своём репертуаре. Король облома. Однако быюсь об заклад, что, если они встретятся завтра, Успенская снова позволит ему вить из себя верёвки.

Уж такая у Резника магия.

Когда он возвращается в кафе, раздаются жидкие аплодисменты. Серьёзно?! Люди одобряют то, что парень обломил девушку? Какое им вообще дело до происходящего?

Пока я в недоумении оглядываю посетителей, Резник садится рядом, и бариста тут же выходит из-за прилавка и кладет руку ему на плечо.

– Кофе? – восторженно хлопает глазами.

Резник улыбается и кивает, а я провожаю баристу неверящим взглядом. Здесь нет обслуживания у столиков, только у прилавка.

– Смотрю, ты не изменился. – Качаю головой. – Имея такой эффект на женщин, мог бы давно завоевать мир.

– Талант не пропьёшь! – Резник подмигивает. – Кстати, не за что.

– Я должна тебя благодарить?

– Не откажусь. Твоя Успенская нейтрализована.

– Ничто не помешает ей остановить такси и вернуться к Лиознову.

– Многое помешает. Во-первых, Трофим не дурак. Зачем ему девица, которая при нём пустила слюни на другого мужика? Во-вторых, в данный момент твоя знакомая не думает ни о чём другом, кроме мести. Сама понимаешь, женщинам не нравится, когда их обламывают. Проведёт полдня в салоне красоты, потом зайвится ко мне в магазин, будет качать права и крутить своей плоской задницей.

– У неё плоская задница? – Да, вот такая я дрянь, мне

приятно любое плохое слово, сказанное в адрес соперницы.

– Плоские мозги – плоская задница, – серьёзно провозглашает Резник. Тоже мне, научный тезис.

– Ты жутко самоуверен.

– Когда результат?

– Чего?

– Конкурса.

– Через несколько дней. Из десяти полуфиналистов останутся трое. Эти счастливичики выберут по одной картине для фойе галереи. Посетители...

– Знаю, я бывал у Лиознова. Работы трёх финалистов вешают в фойе. Посетителям галереи выдают жетон, и они кидают его в ёмкость под той работой, которая им особенно понравилась. Художник, набравший больше всего жетонов, получает место в зале молодых талантов на следующие три месяца. Ты уже приготовила работу для фойе?

Удивлённо моргнув, я уставилась на Резника. Он расписал весь процесс так тщательно, словно пытается доказать свою осведомлённость.

Я вращаюсь в компании художников и порой забываю, как разговаривать с обычными смертными. Однако Резник вдруг показался странно знакомым, словно приземлился прямо в центре узкого круга моих друзей. Пришлось напомнить себе, что это не так. Что у нас нет ничего общего.

– Да, я приготовила кое-что. Откуда ты знаешь правила конкурса?

Резник пожимает плечами и подмигивает баристе, поставившей перед ним кофе.

– Мы с тобой творческие люди, поэтому немудрено, что у нас есть общие знакомые. Мой приятель Арк Молой – знаешь его? – выставлялся у Лиознова прошлым летом.

Последние слова мы говорим одновременно и тут же смеемся.

Странно, но факт: мы с Резником нашли что-то общее. Точки соприкосновения.

Почему-то от слова «соприкосновение» стало жарко.

Или от пристального мужского взгляда.

Или от кофе.

– Что с тобой не так, Ника Туманова? – Резник задумчиво скользит по мне взглядом.

– В каком смысле? – Голос выдает волнение, причину которого я не знаю.

– Почему ты до сих пор не выставлялась в приличной галерее? В школе ты неслась на всех парах – получала стипендии, призы на городских выставках, да и в академии не дремала.

Сглотнув, я отворачиваюсь. В школе я получила всего один значительный приз, и то за работу, вспоминать о которой не хочу. Не сейчас. Не под прицельным взглядом Резника.

Да и вообще – он слишком многое обо мне знает.

– Колись, Ника! – усмехается бывший одноклассник, дёр-

нув меня за рукав. – Что с тобой не так?

Именно из-за такой бесцеремонной наглости я и не хожу на вечера встреч. Кто-то ведь обязательно спросит, чем я зарабатываю на жизнь. «Уроками рисования? Как мило! Неужели хватает на жизнь? А картины продаёшь? Были личные выставки?»

От этих вопросов грустно и тошно.

Я не знаю, что со мной не так. Не объяснять же чужим людям, что я до сих пор не нашла себя?

– Пока, Резник! Рада была повидаться.

Поднимаюсь и застёгиваю пальто, прижимая к груди портфолио моих работ. Резник смотрит на выглянувшие наружу фотографии, словно собираясь что-то спросить, но в этот момент к нам подходит парень.

– Извини, Резник, не подпишешь? – кладёт на стол мятую тетрадь.

Одноклассник хмурится, но берёт предложенную ручку. Склоняюсь над столом, чтобы прочитать его неразборчивый почерк.

Анатомия твоего кошмара

Резник

Что?!

Плюхаюсь обратно на стул. Такое ощущение, что я попала в параллельный мир.

– Что это было? – шепчу непонимающе, когда парень уходит.

Резник придвигается ко мне и с ухмылкой объясняет:

– Это называется автограф. У меня попросили автограф. Такое случается, знаешь? Судя по всему, ты действительно не интересуешься одноклассниками.

– Ты... в школе у вас с друзьями была группа. Ты играл на гитаре и пел...

– Всё ещё играем, – кивает он. – Теперь группа называется «Анатомия кошмара». Металкор и маткор¹.

Наступила моя очередь кивать, хотя я не поняла значение последних слов. Помню их выступления на школьных концертах – громкие, диссонансные, с криком и скрежетом. При этом многие фанатели, а уж девчонки... да и сейчас, судя по всему, дела идут отлично, раз уж Резника узнали в кафе. Получается, Успенская пожертвовала шансом соблазнить Лизнова ради внимания звезды какой-то там музыки.

– Вы популярны?

Смутно помню, как мама рассказывала что-то о популярной группе из нашей школы. Я не интересуюсь музыкой, так, немного слушаю попсу.

– Не так, чтобы ураган, но немного штормит, – подмигивает он.

– Основательно так штормит, раз тебя узнают и просят ав-

---

¹ Металкор – гибрид экстремального метала и хардкор-панка. Маткор – ритмически сложный и диссонансный металкор (из википедии).

тографы, да и Успенская чуть трусики не уронила от одного твоего взгляда. Не только трусики, а всю карьеру выбросила в сугроб! – усмехнувшись, я тут же смущаюсь своей грубости.

Приподняв бровь, Резник наклоняется ближе ко мне.

– Если честно, то дело в рекламе, – доверительно шепчет, почти касаясь моей щеки. – Ты телевизор смотришь?

– Нет.

– Вообще?

– Вообще.

– Это заметно. Мы с ребятами снялись в рекламе многоэтажных домов со звуконепроницаемыми стенами.

– Вы играете в одной из квартир, а соседям не слышно? – озвучиваю догадку.

– Ага, очень забавно получилось. Реклама выиграла кучу призов, и нас теперь повсюду узнают, уже несколько месяцев держимся в топе. А меня... ну, я же солист. Играю на гитаре, пою, да и песни пишу. Вот такие дела. Помнишь, я подрабатывал в магазине музыкальных инструментов? Я его купил, и теперь все гитары мои. – Резник снова подмигивает, продолжая пристально меня разглядывать.

Внезапно его лицо темнеет.

– Ты не помнишь про магазин, да, Ника? Вообще ничего обо мне не помнишь?

– Почему же, помню, – отвечаю чуть хрипло, сражаясь с непонятным чувством неловкости. Жутко хочется сбежать

домой, подалее от бывшего одноклассника.

Резник ухмыляется, но в этой ухмылке только досада и ни капли веселья.

– Хочешь, я угадаю, почему ты здесь сидишь? Ты не захотела лечь под Лиознова и теперь шпионишь за соперницами. Так?

Отвечать я не стала, да и Резник не особо дожидался признаний.

– И правильно, что не захотела. Лиознов занудный старикан.

– Это несправедливо, – не сдержавшись, ворчу. – Конкурсы должны быть честными, даже если они частные.

– Да ну?! – Резник смеётся, но в глазах отражается сочувствие. – Ты впервые столкнулась с несправедливостью?

– Нет, конечно!

– Слушай, Ника, у меня отличная идея: ляг под меня, и тебе сразу полегчает.

Резник подмигивает, смеётся, но глаза изучают меня с рентгеновской точностью.

– Нет уж, спасибо, ты слишком востребован. У меня аллергия на очереди.

Уверенно поднимаюсь и задвигаю стул. Странная встреча со странным парнем. Не знаю, что и думать. Резник мне никогда особо не нравился, но его пристальный взгляд не на шутку смущает.

– Ты с кем-нибудь встречаешься? – спросив, он отворачи-

вается к окну, как будто не интересуется ответом.

Кручу в руках красный шарф и тоже смотрю на темнеющую улицу.

– Иногда.

– Только с художниками?

– Иногда со скульпторами, – улыбаюсь.

Резник хмыкает.

– Оказывается, мы с тобой похожи, кто бы знал! Я если встречаюсь, то только с теми, кто в теме. В смысле, в музыке. Другие не поймут.

– Не поймут. А как же фанатки?

– С ними не встречаются. Так, мимоходом общаюсь, – насмешливо изгибает брови.

Не сомневаюсь. Такие, как Резник, не меняются.

– Бывай! – затягиваю шарф в узел и иду к выходу.

– «Бывай» – и всё? Ник, а давай я тебя затащу на вечер встречи?

– Через мой хладный труп! – усмехаюсь через плечо и выхожу на улицу.

Ледяной воздух отрезвляет за пару секунд. Что сейчас произошло? Это ведь Резник! У нас нет и не может быть ничего общего.

Старательно не оглядываюсь на окна кафе, на волнующее столкновение с прошлым.

«Нет и не может быть ничего общего», – повторяю для пущей уверенности.

Глава 1. Резник

Я знала, что Данила Резник был плохим парнем, со школьной скамьи знала. С точки зрения учителей он был ужас, как плох, а для девчонок – чудо, как грешен. Я замечала его, как же не заметить, ведь мы учились вместе с десятого класса. Вернее я училась, а он заходил потусоваться с друзьями и впечатлить девчонок. Данила был шумным и популярным, и не замечать его не удавалось. Как староста, я часто приходила в учительскую по делам, а он отбивал там очередную повинность.

Он был классическим плохим парнем, а я...

Однажды я забыла подготовиться к контрольной. Заболел папа, и я напрочь забыла об остальном. Пришла в школу, вспомнила о контрольной – и меня как кипятком окатило. Я получила первую и единственную в жизни тройку. Даже сейчас, как вспомню, в животе скручивается тошнотный комок. Вот вам и полный список моих школьных грехов – тройка по математике в восьмом классе. В остальном я была *хорошей девочкой*.

Говорят, противоположности притягиваются, но такие парни, как Данила, не вызывали во мне ничего, кроме раздражения. Он был хулиганистым шалопаем, не по возрасту наглым, и я воспринимала его как шум. Надоедливый, но, к счастью, отдалённый.

Мы и разговаривали-то всего раз. Или два, не помню точно.

Вру. Помню.

***

Десятый класс

Я разминала глину в школьной мастерской, когда со мной впервые заговорил Данила Резник. Он проучился в моём классе четыре месяца, но до этого дня мы почти не общались и, даже сталкиваясь в коридоре, не тратили время на приветствия. Даже если столкновения не всегда были случайными, в них не было ничего личного: Резник задирает всех девочек без разбору.

– Я купил Гибсон. Деньги сам заработал, два года копил.

Оглядевшись, я не обнаружила рядом адресатов этой странной фразы. Кроме меня.

– Молодец! – протянула неуверенно.

Знать бы, что за зверь этот Гибсон, и при чём тут я.

Почесав нос предплечьем, я отложила глину. В художественной мастерской пыльно из-за используемых материалов и множества старых работ.

Опустила измазанные руки на стол и улыбнулась однокласснику, дожидаясь объяснений.

– Нос чешется? – Резник потянулся ко мне, потом нахму-

рился и запихнул руки в карманы.

– Чешется. Тут пыльно.

– Давай почешу! – предложил, краснея. Резник умеет краснеть? – Нос твой почешу! У тебя же руки в глине!

– Спасибо, я могу сама почесать. – Демонстративно потёрла нос о грубую ткань защитного халата.

Какое-то время мы молчали. Жирный голубь вышагивал по отливу за окном, разглядывая нас любопытной бусиной глаза.

– Наверное, трудно так чесать... – сдавленно сказал Резник. Никогда не видела его таким смущённым. Может, с ним что-то случилось?

– Я привыкла.

Он молчал, поэтому я снова взялась за глину. В среду после уроков я посещала художественный кружок и зачастую оставалась позже всех. Однако уж кто-кто, а Данила Резник не ходил на дополнительные занятия.

Я разминала глину, незаметно поглядывая на одноклассника. Словно сам не свой. Обычно самоуверенный донельзя, шумный, языкастый, а тут вдруг топтался рядом, недовольно пыхтя.

– Хочешь, я тебе Гибсон покажу? – спросил.

Нет уж, не попадусь на грубую шутку.

– Сам свой Гибсон разглядывай, желательно в ванной и в одиночестве.

Отодвинулась от него на всякий случай. Кто знает, вдруг

парни решили подшутить над старостой.

– Дура! – рассмеялся Резник. – Гибсон – это гитара, самая лучшая в мире. Я о ней с десяти лет мечтал. Хочешь, сыграю?

– Я слышала, как ты играешь.

Когда их группа выступила на школьной вечеринке, я ушла, не дожидаясь завершения концерта. Как говорится, на вкус и цвет... Однажды у бабушки в кухонном шкафу обрушилась полка с кастрюлями и сковородками, и звук был похожий.

– Хочешь, я... ну... *для тебя* сыграю.

Я искренне не могла понять, с какой стати Резник явился в мастерскую и мучал меня странными вопросами. Может, его выгоняют из школы, и он хочет заручиться поддержкой старосты? Нет, не может быть, я бы уже об этом знала. Они с братьями перевелись в нашу школу в начале учебного года и ещё не успели натворить бед.

– Что сыграешь? – спросила неохотно.

– Смотря что тебе нравится. Или вообще могу специально для тебя песню написать.

– Про что?

– Могу написать песню о том, что тебе нравится. – С сомнением покосился на моё последнее творение. «*Рука скульптора*». Глиняные пальцы, истончённые к кончикам, переходящие в скульптуру, созданную рукой мастера.

Проследив направление его взгляда, я прикрыла «Руку

скульптора» тряпкой. На прошлом уроке учительница заставила меня показать работу классу, и это обернулось полным фиаско. Я попыталась объяснить, что руки скульптора вкладывают вдохновение в работу. Что тут началось!

«А работе нравится, когда в неё *вкладывают*?» «А как именно скульптор *вкладывает*?» «А это не противозаконно?»

Стоит ли объяснять, что Резник принимал в этом фиаско самое активное участие?

А теперь он стоял рядом с красными пятнами на щеках и придурился.

– Красиво получится, – сказал тихо.

– Что красиво?

– Песня про человека, который вложил себя... – кашлянув, он оглянулся на дверь, – ... в искусство.

Мне никогда не посвящали песен. Наверное, внимание Резника должно было мне польстить, однако подозрения не позволили расслабиться. Разбитной шалопай, хулиган, смущавший покой одноклассниц, взволнованно переступал с ноги на ногу посреди пыльного класса, заваленного подростковыми картинами и скульптурами. Вдруг это розыгрыш? Вдруг в мастерскую ворвутся друзья Резника и учинят погром?

– Я не интересуюсь музыкой, но поздравляю тебя с покупкой гитары, – ответила искренне.

– Слушай, а правда, что из мастерской пропали твои работы?

– Правда.

Я нахмурилась, не желая обсуждать случившееся. Одну из моих работ разбили в туалете, вторую кинули на крышу гаража, третью пока не нашли. Так как я работала с глиной, мои работы были очевидной мишенью для гадких проказ.

– Хочешь, я разберусь? – спросил Резник, сжимая кулаки. – Найду, кто это сделал, и устрою им...

– Нет, спасибо! Директор уже разбирается. Малолетки развлекаются, с ними всегда так.

Тоже мне, защитник справедливости!

Резник нахмурился, но не ушёл. Кивнул на темнеющий школьный двор за окнами и предложил.

– Ты долго ещё? Могу проводить.

– Не надо, я живу в соседнем доме.

– Знаю. Думал, тебе захочется пройтись.

– Нет, не хочется.

Я чихнула и, когда открыла глаза, обнаружила, что в мастерской никого нет. Резник исчез бесшумно, так же необъяснимо, как и появился.

Когда через двадцать минут я попрощалась с учительницей и выскользнула на тёмную улицу, у гаражей тусовалась обычная мужская компания. Они там зависали каждый вечер – покуривали, трепались, играли на гитаре. От толпы отделились две тени. Одна из них знакомая – Гриша, мой со-

сед, учившийся в параллельном классе. Папа платил ему за мытьё машины, помощь в гараже и другие поручения, на которые у меня не хватало времени и умения. В знак благодарности сосед приглядывал за мной.

– Эй, Туманчик! Чего крадёшься в темноте? – хихикнул Гриша. – Зубрилка зубрилистая, а ну марш домой! Сейчас сдам тебя на руки родителям.

Старше меня на полгода, он пытался командовать.

– Эй, оставь её в покое! – приблизилась вторая тень, и свет фонарей окутал фигуру Резника.

– Это ты её оставь! – моментально напрягся Гриша.

– Ребята, да вы что! Вон же моё окно, даже видно, как мама у плиты стоит. – Я перевела недоуменный взгляд с одного парня на другого. Гришка такой всегда, а вот что творится с Резником, я не понимала.

Парни смотрели друг на друга с вызовом, и я сделала быстрый и безошибочный выбор.

– Гриш, пойдём! Сдашь меня маме как товар, раз уж тебе приспичило.

Сосед выдохнул и отвернулся от Данилы. Тот смотрел нам вслед.

– Резник что, грибами отравился? – проворчал Гриша, когда мы отделились. Данила двинулся было следом, но рядом появились его братья и не позволили вмешаться.

– Не знаю, что с ним. Тестостероновая буря, не иначе.

– Он к тебе подкатывал?

– Да нет вроде. Так, рассказал про Гибсон.

– Гибсон – это круто, – вздохнул Гриша, выводя меня из школьного двора. – А Резник – гиблое дело. Если привяжется, я ему врежу, но и ты на него не заглядывайся, а то скажет, что провоцируешь. Таких как он, лучше не задирать. Пусть думает, что мы с тобой встречаемся, и если он не отстанет, я с ним разберусь.

– Все и так думают, что мы встречаемся. – Фыркнув, я оглянулась, всё ещё чувствуя на себе пристальный взгляд Резника.

– Так подтверди!

Мы с Гришкой знали друг друга с пелёнок. Реально, с самых пелёнок, мамы клали нас в один манеж. Никакой романтики между нами и быть не могло, но для других это не было очевидно. Сосед был безответно влюблён в равнодушную одноклассницу, поэтому предложил стать моей ширмой. Я, не раздумывая, согласилась. Не то чтобы я подозревала Резника в романтических чувствах, но уж очень не хотелось повторения неуклюжей беседы в мастерской. От его внимания холодели кончики пальцев, а по телу бежали мурашки, и я не знала, нравится мне это или нет.

Склонялась к «нет».

После странной беседы в мастерской Резник вёл себя как раньше. Если он и собирался сыграть надо мной злую шутку, то ничего не вышло. Томных взглядов он на меня не бросал,

только злые. Иногда толкал плечом, проходя мимо, пинал мою сумку и даже дёргал за хвост, как в первом классе. Но Гриша быстро положил этому конец.

Однажды, убедившись, что моего грозного защитника рядом нет, Резник поймал меня в коридоре и, пристально глядя в глаза, спросил:

– Григорий действительно твой парень?

– А как ещё бывает? Понарошку? – попробовала выкрутиться. Почему-то не хотелось врать, хотя другим одноклассникам я без зазрения совести солгала, что встречаюсь с Гришей.

– Может быть по-всякому. Ты его любишь?

Не сдержавшись, поморщилась. Ложь неприятно жгла язык. Взгляд Резника был строгим, почти учительским, и в нём читался заслуженный укор.

А ещё в его взгляде было что-то непонятное. Слишком сильное. И синее.

Синее и сильное.

– В нашем возрасте любовь – понятие относительное, – выдала снисходительно.

– Значит, не любишь.

– Какая тебе разница?

– Не было бы разницы, не стал бы спрашивать.

– Только не говори, что ты в меня влюблён! – Насмешливо фыркнув, я отвернулась от пристального синего взгляда и направилась на урок. Не верила, что Резник воспылал чув-

ствами к моей скромной персоне. Скорее всё это было частью странной и очень неприятной игры.

– Нет, я в тебя не влюблён, – подтвердил Резник, догоняя меня и удерживая у самых дверей. – Знаешь, что я ненавижу больше всего? Ложь. Когда вместо того, чтобы сказать правду, придумывают игру. Ты лжёшь, Ника, причём бездарно.

Острый стыд превратился в багровые пятна на щеках, а следом пришёл гнев. Сильный.

– Что ты из себя строишь? – завопила я, вырывая локоть из цепкой хватки Резника. – Я тебе ничем не обязана. Наши с Гришей отношения – не твоё дело. Отстань от меня и больше никогда не приближайся!

Только сев за парту и отдышавшись, я призналась себе, что испугалась. Не Резника, а того, что чувствовала в его присутствии. Словно меня засасывает в трясины, а вокруг нет ни одной живой души, способной прийти на помощь.

Резник послушался, причём в буквальном смысле. Нарочито избегал меня, даже пересел подальше. Соседнюю парту занял сводный брат Данилы, Иван, умный парень, да и лицом не плох. На этом закончилось моё школьное знакомство с Данилой Резником, если не считать одного крайне неприятного инцидента перед самым выпуском.

Перед самым выпуском мы поставили спектакль «*Маньчжурский император*». Жуткая история о жёнах умершего китайского императора, которых похоронили заживо в гроб-

нице вместе с покойником. В середине спектакля «жёнам» предстояло переодеться в особое похоронное одеяние. Толкаясь в крохотном отсеке за кулисами, мы стянули с себя традиционные китайские костюмы, ханьфу, и надели жертвенные платья. Вернее почти надели, когда на головы повалилась металлическая стойка с освещением, увлекая за собой занавес. Во всеобщей панике и толкотне меня вытолкнуло на сцену. Выбросило, как огромной волной, и разбило о потёртые доски.

Скрестив руки на обнажённой груди, я в ужасе замерла перед «умершим» императором и парой коленопреклонённых подданных.

И перед зрительным залом.

Посреди сцены. В трусиках и балетках.

В ушах загудело. Тело отяжелело, вращаясь в дощатую сцену. Хотелось невозмутимо сыграть на публику – помахать рукой и воскликнуть что-то остроумное, типа: «А за это зрелище с вас соберут отдельную плату!» Или притвориться, что мой спонтанный полу-стриптиз – часть спектакля.

Однако меня сковал ужас.

Время измерялось в долях секунды. Или в годах.

Меня скрутило от боли. От разбитых коленей и ладоней, от удара о сцену, от стыда.

«Мёртвый» император соскочил со стола, с трудом удерживая накладное брюхо. Остолбневшие подданные не сводили с меня глаз.

И в этот момент я увидела *Его*.

Резник нёсся к сцене, огибая зрителей. Прыгнул через ступени и бросился ко мне, грозя расплющить своим телом. Ярость на его лице была настолько ослепляющей, что я не заметила других людей, спешащих на помощь. В том числе Гришу, бегущего с другой стороны, и учителей.

С размаху приземлившись на колени, Резник схватил меня за плечи, укрывая собой.

– Иди ко мне, Ника! – шептал, притягивая меня к груди. – Я унесу тебя отсюда. Всё будет в порядке.

Громко ругаясь, Гриша отпихнул его, и они сцепились в злобной схватке, расталкивая остальных. Я осталась на полу. Рядом крутилась запыхавшаяся учительница, наступая на мои пальцы и не предлагая ничего путного.

Хаос. Вокруг полуобнажённой меня царил сплошной хаос.

В тот момент на мои плечи опустилась мягкая ткань. Синяя мужская рубашка, большая, пахнущая незнакомым одеколоном. Шершавые пальцы застегнули пуговицу у самого горла.

– Я помогу тебе встать и уйти со сцены. Если не можешь идти, возьму на руки, – сказал уверенный, спокойный голос за спиной, и я кивнула, не сводя глаз с яростно дерущегося Резника.

– Я сама дойду, – поднялась, опираясь на чужие руки. – Я в порядке.

Рядом заворковала учительница.

– Молодцы, ребята! Василий Степанович, Нику к медсестре надо побыстрее. А кровь надо подтереть, чтобы никто не поскользнулся.

Меня затошнило от того, что кто-то может поскользнуться на моей крови.

Я стояла на сцене в балахоне из мужской рубашки, опираясь на мужчину за моей спиной. Если бы не он, если бы не его спокойная уверенность, я бы заплакала. Зарыдала, наверное. Но его хватка на моих руках, его голос и запах держали моё отчаяние под контролем.

Особенно запах. В последующие дни я развлекала подруг тем, что пыталась незаметно понюхать Василия Степановича, учителя химии, чтобы проверить запах его одеколona. Мне удалось «случайно» столкнуться с ним в коридоре, но в тот момент бедняга пах чем-то горелым и химическим и очень спешил в лабораторию. Я поблагодарила его за помощь на сцене, но спросить об одеколone не решилась. К своей превеликой радости, я умудрилась найти одеколон в магазине. Перенюхала несколько десятков, как одержимая, и всё-таки нашла. Купила и наслаждалась, нюхая перед сном.

Но в тот страшный момент на сцене, балансируя на грани истерики, я смотрела на Данилу Резника. Его удерживали несколько человек, и он не сводил с меня горящего синего взгляда. Ярость ли это? Чувства настолько сильные, что они исказили его лицо, подчинили тело. Он трясся, скрежетал

зубами и рычал от вынужденного бессилия.

Его чувства передались мне, ударили в голову, как крепкое вино. Я смотрела на одноклассника и гадала, почему он бросился мне на помощь. Почему смотрел на меня так... необычно.

– Я отнесу Нику! – в который раз потребовал он, но учительница преградила ему путь.

– Мы с Василием Степановичем отведём Нику в медкабинет. Оставайтесь на местах, спектакль продолжается. На сцене должны остаться только актёры.

Школьная медсестра обо мне позаботилась и забрала мужскую рубашку. За дверью кабинета меня дожидался Гриша, он и отвёл меня домой.

– Я напомнил Резнику, чтобы не лез к тебе.

– Спасибо.

Это было самое неискреннее «спасибо» из всех, сказанных соседу.

Резник мне не нравился, но его бешеная ярость, животный прыжок ко мне через всю сцену то и дело всплывали в памяти. Словно я подсмотрела в замочную скважину и увидела нечто очень личное, тайное, тщательно скрываемое от остальных. Чужие эмоции, волнующие и безжалостно влекущие.

Я хотела узнать, какие чувства скрывает Данила Резник. Хотела и боялась одновременно. Не знала, готова ли я к эмоциям такой силы.

Я не спала всю ночь. Стояла у окна, глядя на побитые ступени школьного крыльца и дожидаясь, когда уборщица Агриппина Степановна откроет школу. Как только она появилась во дворе, как всегда размахивая сумкой и разговаривая сама с собой, я оделась и поспешила в мастерскую.

Всем, кто посещал художественный кружок, предлагалось сделать выпускной проект. В конце года проходил городской конкурс, на котором лучшие работы получали грамоты и денежные призы. Я ждала вдохновения, и в ту памятную ночь оно пришло. Настолько сильное, что я забыла о недавнем публичном стриптизе. Пусть дразнят, пусть отпускают глупые шутки, меня этим не удивишь. Когда приходит вдохновение, всё остальное отодвигается на второй план.

Я нарисовала потёртые доски сцены. На них – сердце, раскрывшееся перед всеми. А вокруг – брызги чувств, выпуклых, ярких и противоречивых. Выходящих за границы холста.

Я закончила выпускной проект за два дня. Назвала его «*Секрет*».

На следующий день после спектакля Резник попал в больницу с аппендицитом и отсутствовал почти месяц. Я сочувствовала однокласснику, но втайне радовалась, что он не увидит мою картину. Пусть абстрактная, но она изображала тайну, которую я подсмотрела в его глазах. Чувства, которые я не понимала, но сила которых завораживала.

Однако Резник появился в школе в день выставки и направился напрямик к моей работе.

Казалось, его тайна подмигивает с холста разбрызганными красками.

Он разыскал меня в толпе и посмотрел тяжёлым, долгим взглядом. На секунду мне показалось, что он разгадал смысл картины. Но нет. Насмешливо закатив глаза, он отошёл к друзьям.

На городском конкурсе «Секрет» выиграл денежный приз. Отпраздновав с родителями, я закрылась в комнате и долго смотрела на картину, поглаживая пальцем три большие по тому времени купюры.

Этично ли зарабатывать на чувствах другого человека? Тайных, непонятных чувствах, свидетелем которых ты стала случайно.

Очень надеюсь, что ответ – «да», потому что в этом моя жизнь. Я собираю эмоции, свои и чужие, и размазываю их по холсту.

На этом закончилось моё знакомство с Дániлой Резником. Для меня он был источником полуночного вдохновения, странным одноклассником и больше никем.

До случайной встречи.

***

Я закрепляю зажим на диске Nirваны², когда в кармане джинсов пиликает телефон. Второе сообщение приходит сразу после первого. Потом третье.

Кому приспичило?

Сняв перчатку, выуживаю телефон из кармана. Все три сообщения пусты. Номер отправителя мне незнаком.

Вдруг это насчёт конкурса? Нет, ещё рано.

Пустые сообщения выглядят странно.

– Ника! Почему Джеггер рядом с Хендриком? Ты не там просверлила!

Вздыхаю, закатив глаза под защитными очками. Мантра частного учителя – клиентам грубить нельзя.

– Олег Максимович, прошу вас, сами сверлите! Я не знаю, кого с кем ставить и куда крепить зажимы.

– Мне надоело сверлить! – ноет мой великовозрастный ученик.

«Ценный клиент, ценный клиент», – повторяю про себя, ощущая вибрацию телефона на бедре. Родители на работе, результаты конкурса ещё не готовы. Продолжаем сверлить.

У Олега Максимовича кризис среднего возраста. Раньше я бы посмеялась, но теперь, столкнувшись с проявлениями лицом к лицу, уважаю и побаиваюсь. Успешный мужчина со-

---

² В этой сцене приводятся названия музыкальных групп и имена музыкантов, популярных во второй половине прошлого столетия.

рока девяти лет нырнул в кризис с решимостью самоубийцы. Бросил семью, нашёл молодую любовницу и вёл богемный образ жизни. Чтобы заслужить право называться свободным художником, он нанял меня – учительницу изобразительно-го искусства или, как меня называют некоторые клиенты, музу. Вместе мы пытаемся найти хоть какой-то вид искусства, который погасил бы пожар в душе Олега Максимовича. В данный момент мы трудимся над перегородкой, сделанной из старых компактных дисков. Я сверлю дырки и креплю зажимы, а он соединяет их вместе согласно только ему понятной логике. За всё про всё я получаю астрономическую почасовую оплату.

И Олег Максимович не один такой, есть и другие клиенты. Кризис среднего возраста надо пережить и переждать, как грипп, как дождь, и я рада помочь. Как я дошла до такой жизни? Раньше работала в художественной школе, а потом разговорилась в магазине с одним таким страдальцем и помогла ему выбрать краски и холсты для нового увлечения. Пара уроков – и у нас сложились отличные отношения. А потом появились другие клиенты. Кто-то замолвил словцо, кто-то порекомендовал, и понеслось.

На уроках я выкладываюсь по полной, это вам не натюрморты штамповать. Что мы только не придумываем, даже мебель делаем, светильники и скульптуры в человеческий рост. А иногда просто общаемся. Над перегородкой мы трудимся уже четыре недели, а всё из-за ностальгии. Перед

тем, как продырявить диск, Олег Максимович его слушает и вспоминает молодость. Стыдно брать деньги за такие «уроки».

Мобильник щекочет бедро вибрацией. Поглаживаю его рукой, словно пытаюсь успокоить.

– Названивают? – усмехается Олег Максимович. – Новый мужик?

– Наверное, это мама.

– Мама – это неинтересно. А про конкурс что слышно?

– Пока ничего.

Не сдержавшись, смотрю на телефон.

«Ты знаешь, кто я»

Да, знаю.

Откуда у Резника мой номер?

Он проверяет, думаю ли я о нём. Получается, что думаю.

Снимаю перчатки и печатаю: *«Кто это?»*

– Судя по тому, как ты улыбаешься, сообщение не от мамы, – смеётся Олег Максимович.

В двери поворачивается ключ, и в студию заходит его любовница, Кристина. Она любит появляться внезапно, будто надеется застать нас в компрометирующей позе. Ей хочется закатить скандал и избавиться от женского присутствия в жизни любовника, однако придраться не к чему. Учительница в защитных очках, нарукавниках и переднике, да ещё

и с паяльником в руке не представляет угрозы для фигуристой модели.

– Привет, Ника! – выдаёт она сквозь зубы.

Я машу ей в ответ паяльником. С её приходом Олег Максимович подтянулся, помолодел. Вроде польза от их отношений есть, но конец не за горами. Не дурак он. Был бы дурак, было бы легче.

Закрепив последний диск, прибираю рабочее место, когда телефон подаёт сигнал о сообщении.

«Придёшь в субботу на ужин?»

Мама.

Такого разочарования я не испытывала очень давно.

Резник не ответил.

С какой стати я так жду его сообщений? Ведь совсем не думала о Резнике и вдруг... словно подсознание живёт собственной жизнью.

Может, позвонить ему? Или написать: «Да, я угадала, привет, Резник».

Нет.

Поспешно стёрла сообщения, чтобы не было соблазна, и побежала домой.

***

Живу я в крохотной квартире-студии. Кровать за шир-

мой, маленькая кухонька в углу, а всё остальное место отдано работе. Не зря нашу высотку называют домом художника. Среди жильцов затесалась всего парочка «штатских», остальные – творческие люди. На первом этаже – магазин «Товары для художников», так что всё нужное под боком. Да и квартплата приемлемая. Все знают, что с творческих людей много не возьмёшь.

Моя мечта – иметь отдельную мастерскую для работы, с видом на горы. Где-нибудь в Альпах, в тишине.

Ага, размечталась! Может быть, однажды... А пока я называю мою квартиру «студией», напоминая себе, что в ней есть крохотная мастерская, зажатая между кухней, ванной и кроватью.

Телефон звонит в субботу утром через два дня после странных сообщений. Вернее телефон звонил и до этого, но не так. Друзья, родители, всё как всегда. А потом телефон *звонит*.

Даже не глядя на экран, я *знаю, кто это*.

Моё «алло» звучит слишком взволнованно.

– Чем занимаешься, Ника? – усмехается Резник.

– По лестнице шла и запыхалась.

На самом деле я лежала на кровати в обнимку с любовным романом.

– Надо чаще тренироваться, могу предложить способ.

– Догадываюсь какой.

– Могу предложить много разных.

– Не сомневаюсь.

– Ника, признайся, ты ведь знала, что сообщения были от меня.

– Догадалась, но не сразу.

– Терпеть не могу ложь. Почему ты мне врешь?

Что у него за пунктик такой насчёт лжи? Всего лишь крохотная неправда: я не хотела признаваться, что думала о нашей встрече в кафе.

– Откуда у тебя мой номер?

– Успенская поделилась. Кстати, я оказался прав. Она зашла в магазин, устроила скандал и пыталась качать права.

– Откуда она узнала про магазин?

Резник вздыхает.

– Есть такая штука, называется «интернет». Зайди на страничку моей группы, там про меня всё написано. Заодно посмотришь знаменитую рекламу.

Я уже посмотрела рекламу и не раз, но признаваться не стану.

Бросаю взгляд на ящик со старыми картинками. Вчера я достала «Секрет», мою выпускную работу, и тут же убрала обратно. Эта странная картина до сих пор излучает эмоции с такой силой, что меня потряхивает.

Тишина затягивается. Хорошие девочки не выносят таинственных пауз в разговорах с плохими мальчиками.

– Надеюсь, тебе удалось избавиться от Успенской. Изви-

ни, что причинила неприятности.

– Меня зовут Данила. Или Даня, если хочешь. Чем занимаешься?

– Собираюсь к родителям на ужин.

– Здорово.

Здорово?! Почему-то показалось, что он ждёт приглашения. Представляю, как изумится мама, если я приведу с собой бывшего школьного хулигана.

Передёргиваю плечами, стряхивая мурашки. Они-то откуда?

– Ладно, бывай, Резник!

Разговор исчерпал себя, поэтому нажимаю «отбой». Осталось странное чувство, словно я упустила нечто важное. Это всё «Секрет», его проделки. Проклятая картина намекает на связь, которой не может быть. Выбросить бы её подальше от греха. От неё волнами исходит прошлое, и мне это не нравится.

Когда я говорю маме, что встретила Резника, та восторженно ахает:

– Такой разгильдяй был, а какого успеха добился! Талантливый парень.

– Талантливый-шмалантливый, – ворчит папа. – Я из-за их дурацкой рекламы телевизор боюсь смотреть. А они этот кошмар музыкой называют.

– На вкус и цвет... – пожимает плечами мама.

Точно, на вкус и цвет.

Может, сходить на вечер встречи?

***

Вечера встречи ждать не приходится, Резник звонит на следующей неделе. Я запомнила его номер, теперь он числился в списке контактов как «Секрет».

– Надо поговорить! – заявляет без преамбул.

Я не стала притворяться, что не знаю, кто звонит.

– У меня урок через час.

– Дай адрес, я подъеду после урока. Вечером свободна?

Нет. Да. Нет.

– Да.

Принимаю душ, одеваюсь, а в мыслях всё ещё звучит череда «нет» и «да».

Наряжаться нет смысла, всё равно испачкаюсь на уроке. Клиентка учится работать на гончарном круге, и это зрелище не для слабых. Комки глины летят во все стороны, в центре круга крутится бесформенная масса... Она пытается сделать вазу.

А я собираюсь выиграть конкурс, но давайте говорить честно: и для того, и для другого потребуется чудо.

После урока привожу себя в подобие порядка и выхожу на вечернюю улицу. Резник стоит, прислонившись к фонарю. Почему-то я думала, что он приедет на машине, но нет, он пешком. А ведь я ничего о нём не знаю. Водит ли он, где

живёт, почему притягивает взгляд даже с покрасневшим от мороза носом. Небритый. С синим взглядом такой силы, что я моргаю, пытаясь разорвать нашу невидимую связь.

– Ты тепло одета? – ведёт взглядом по измазанным глиной джинсам и улыбается.

– Нормально.

– Пойдём, я провожу тебя до дома! Если замёрзнешь, поймем машину.

Пожимаю плечами, и Резник принимает этот жест за согласие. Берёт меня за руку и выводит на проспект.

Это слишком интимный жест, поэтому я пытаюсь высвободиться.

– Здесь не скользко. Я не упаду.

– Если из нас двоих кто-то упадёт, это буду я. – Его голос слишком резок, а слова настолько двусмысленны, что я теряюсь.

Про падение женщин пишут романы. Его боятся, о нём сплетничают. Иногда о нём мечтают.

Про падение мужчин говорить не принято, они гордятся своей силой.

Но с Резником всё не так, с ним я проваливаюсь в неведомую глубину, кувыркаюсь в его секретах, в его чувствах, как в штормовой волне.

– Тогда держись крепче! – отвечаю чуть слышно, предлагая ему то, что не собиралась давать.

Чтобы разрядить атмосферу, рассказываю о клиентах,

вспоминаю забавные истории. Резник заметно расслабляется, шутит и, склоняясь ближе, щекочет ухо тёплым шёпотом.

Мне кажется, что мы на свидании, и это ощущается неправильно. Понять бы почему. Мы оба свободны, не связаны обязательствами и обещаниями. Резник хорош до неприличия, задорной мальчишеской красотой. В школе меня раздражало его шалопайство, но теперь он состоявшийся музыкант, владелец магазина.

Чего я опасаясь?

Глубины синего взгляда. В ней есть нечто пугающее, слишком сильное. Я не уверена, что готова к чувствам такой глубины.

Остановившись посреди дороги, поворачиваюсь к Резнику. Прохожие, ворча, обходят внезапное препятствие.

– О чём ты хотел поговорить?

Резник морщится и смотрит себе под ноги. Он одет со стилем, но не броско. Мне это нравится. Мне вообще слишком многое в нём нравится, особенно артистическая небритость.

– Я не собираюсь говорить об этом на улице, – говорит сурово. – Провожу тебя до дома и зайду ненадолго, там и поговорим.

Киваю, и к Резнику возвращается весёлое расположение духа. Он рассказывает забавные истории о фанатках, о недавнем концерте и об Успенской. Когда перед нами возникает громада дома художников, я вздрагиваю от удивления. Уже пришли? Кто бы догадался, что с Резником так интерес-

но и легко.

Многие бы догадались. Например, одноклассницы, которые страдали по нему до самого выпуска, а то и дольше.

Мы поднимаемся по лестнице, и я открываю дверь чуть дрожащей рукой.

– Кофе будешь? – спрашиваю, подходя к плите.

– А покрепче ничего нет?

– Чай.

– Очень забавно. Водка есть?

– Нет, только вино.

– Розовое?

Угадал или помнит? Я пила при нём всего один раз – на выпускном вечере. Они с братьями зашли минут на десять, а потом уехали за город с большой компанией.

Но он запомнил.

Тщательно прячу улыбку, изо всех сил сопротивляюсь восторгу, произрастающему из этого нехитрого факта.

– Там твоя кровать? – Резник смотрит на ширму, отделяющую мою так называемую спальню.

– Да, а что? – Волнуюсь, но не хочу, чтобы Резник это заметил.

– У тебя сесть негде! – усмехается, показывая на стулья, загруженные картинами. – Давай уж разливай своё розовое вино. – Его взгляд мечется по комнате, то и дело останавливаясь на мне. Он тоже волнуется, и это немного успокаивает. Почему-то вспоминается, как он пришёл в школьную ма-

стерскую в десятом классе.

Наливаю вино и делаю огромный глоток. Для храбрости.

– Слушай, Резник, скажи уж, зачем пришёл, а то ты меня пугаешь.

Глядя в окно, он крутит бокал между пальцами и глухо говорит.

– Ты не прошла в финал конкурса.

Моя реакция озадачивает. Вместо того, чтобы думать о конкурсе, о жизненной несправедливости и о творческом тупике, я разочарована по другому поводу: оказывается, Резник пришёл по делу. Я втайне надеялась, что он искал меня по совсем другой причине. Личной. Очень личной.

Если я не буду осторожна, то меня притянет к Резнику. Гриша предупреждал ещё в школе, что Резник – гиблое дело, да я и сама об этом знала. Девчонки чего только ни делали ради его внимания и ничего не получали взамен.

Я не собираюсь ввязываться в его игры, это наша последняя встреча.

– Откуда ты знаешь результат конкурса?

– Случайно узнал от знакомых.

Случайно.

Как можно случайно узнать конфиденциальный результат частного конкурса?

– Резник, скажи, ты не пытался замолвить за меня словцо? – спрашиваю дрожащим голосом.

Кто знает, насколько обширны его связи в творческом ми-

ре? Если он пытался вмешаться, пусть и безуспешно, то я никогда его не прощу. Лучше несправедливо проиграть, чем знать, что твоя победа ненастоящая.

Глаза Резника полыхнули гневом.

– Думаешь, я бы так с тобой поступил?

Не знаю. Я не знаю, как Резник поступает с другими людьми, кроме того, что видела в школе.

– Ты мне не веришь! – возмущается. – Интересно, чем я заслужил такое отношение.

Он обиделся, но я бессердечно хмыкаю в ответ. Одно слово – репутация. Её не стряхнёшь, как пыль.

– Арк Молой, мой приятель – помнишь, мы о нём говорили? – продолжает Резник. – Он организовывает благотворительную выставку. Уже заручился поддержкой знаменитостей, а теперь делает свой вклад в продвижение молодых талантов. В прошлом году он и сам был в числе начинающих, поэтому старается. Так вот, он попросил у Лиознова адреса полуфиналистов, чтобы выслать приглашения. Лиознов дал ему семь адресов и сказал, что это отказники.

– И моё имя...

– Да, ты в списке отказников. И Успенская тоже.

От этого мне не легче.

В квартире слишком яркий свет. Как же я раньше этого не замечала? Видна припухшая усталость под глазами Резника, неровные мазки его эмоций.

Мне нравится линия его небритости и придавленные шап-

кой волосы, растрёпанные пятернёй. Мне нравится то, что Резник волнуется, сообщая мне плохую новость. Ему неприятно меня расстраивать.

– Зачем ты мне об этом рассказал? Мог промолчать, я бы и так узнала. Доставлять плохие новости – это сомнительное удовольствие.

Резник смотрит мне в глаза. Быстро и прямо, без гримас и увёрток.

– Раз я узнал, то должен сказать тебе. Так честнее. Представил, как ты откроешь письмо, как расстроишься. Не хотел, чтобы ты была одна, когда узнаешь о проигрыше и тебе станет больно.

Его ответ мне нравится.

Обычно люди бегут от чужих неудач, оставляя за собой клочки сочувствия. Резник же садится на стул и смотрит на меня, дожидаясь реакции. Хочет пережить неудачу вместе со мной.

Вспоминаю его слова: «Если из нас двоих кто-то упадёт, это буду я». В данный момент я в этом не уверена.

– Дерьмо! – провозглашаю, суммируя ситуацию.

– Дерьмо! – легко соглашается он.

Залпом допиваю вино и ставлю бокал на пол.

– Спешу тебя разочаровать, но я не собираюсь биться в истерику и выпрыгивать из окна. Спасибо, что пришёл, но утешать меня не надо. Это всего лишь конкурс, причём не единственный в городе. У меня стабильный заработок и ин-

тересная жизнь. Всё будет хорошо.

Склонив голову, Резник изучает меня, проверяя на искренность. Потом кивает и, поставив бокал на стол, поднимается на ноги.

– Что ж, – усмехается, – а я-то надеялся тебя утешить. Если всё-таки расстроишься, обращайся! Поверь, тебе понравится.

– Не сомневаюсь! Спасибо, что доставил новости.

Уходи, Резник! Быстро уходи, иначе мы шагнём на территорию, которой я боюсь. Которой боялась со школы. Ты опасен для моего сердца.

Резник берётся за дверную ручку, потом вздыхает и оборачивается.

– Где она? – спрашивает тихо. – Где картина?

Он помнит «Секрет» до сих пор. А ведь я подозревала, что он разгадал смысл моей работы.

– Я её выбросила.

– Врёшь! Я хочу на неё посмотреть.

– Если и не выбросила, то она у родителей на чердаке.

– Опять врёшь!

Да, я вру, картина здесь, а у моих родителей нет чердака. Я лгу Резнику в каждом разговоре, это уже стало традицией.

– После окончания школы мы с друзьями решили стать знаменитыми, – вдруг говорит он, прислоняясь к двери. – Продали почти всё, что имели, ночами разгружали грузовики, чтобы заработать. Много репетировали, готовились к

прорыву, к мировой славе. Когда решили, что готовы, потратили деньги на аренду концертной площадки. Но вместо славы получили разочарование. Если не считать родителей и друзей, на наш первый концерт пришли одиннадцать человек. Я помню их всех в лицо. Одиннадцать, представляешь? На второй и того меньше. Это был полный провал. Тогда мы уехали в Москву, жили там, учились, играли. Когда вернулись домой, я случайно познакомился с человеком, который снимал рекламу новых квартир. Она-то нас и прославила. Никогда не знаешь, откуда придёт успех...

– Спасибо, что пришёл, – прерываю его монолог, потому что не хочу откровенничать. Мы не друзья. Мы не обмениваемся боевыми историями, не показываем друг другу старые шрамы. Мне не нравится напряжение между нами.

Резник уходит, а я достаю «Секрет». Всего на минутку, а потом убираю обратно и накидываю покрытие.

Других планов на вечер нет. Горевать не хочется, думать о Резнике слишком опасно, поэтому я прихватываю остатки вина и погружаюсь в душистую ванну. Придёт время, и я позвоню друзьям, пожалуюсь, а пока ни с кем не хочется делиться новостью, что я не прошла в финал.

Вино заканчивается на удивление быстро, и я даже умудряюсь задремать в ванне. Мне снится Данила Резник. Он вернулся, чтобы меня утешить, и у него это очень хорошо получилось. До дрожи в коленях хорошо.

Во мне говорит вино, и мне нравится этот внутренний го-

ЛОС.

Глава 2. Данила

На следующее утро приходит осознание: я проиграла. Не будет ни выставки, ни популярности, ни денег. Как же обидно быть неудачницей! В каждой картине моя душа, поэтому проигрыш ранит очень сильно. Получается, что моя душа недостаточно хороша, никому не нужна, не востребованная.

Пообещав себе вечер в обнимку с розовым вином, отправляюсь к клиентам.

После обеда звонит Арк Молой и приглашает участвовать в выставке. Хотя что-то полезное вышло из пресловутого конкурса, и на том спасибо. Пусть я «отказная», но попала в заветную десятку полуфиналистов, а это открывает важные двери.

Арк притворяется, что не знает результатов конкурса, а я не обличаю его во лжи. Я не Резник, который не приемлет неискренности.

– Выставка продлится две недели. Выбери три работы, посмотрим, обсудим. Если хочешь, можешь забрать их в конце выставки. Если не жалко пожертвовать на благотворительность, тогда выставим на аукцион.

– Я согласна.

Дело не только в благотворительности, а в том, что мою работу купят и заберут домой. Повесят на стену и будут разглядывать, обсуждать, она станет частью не просто интерье-

ра, а чужой жизни.

Или запихнут в кладовку, а потом, спустя время, не смогут вспомнить, зачем позарились на такую странность.

Или вообще не купят.

– Зайди ко мне в мастерскую, обсудим детали и подпишем контракт, – просит Арк.

Я бегу домой выбирать работы. Уж лучше заняться делом, чем обниматься с бутылкой розового вина.

По внешнему виду Арка вы бы никогда не догадались, что он художник. Скорее вышибала в клубе. Однако его работы настолько чувственны, что заставляют краснеть даже бывалых любителей эротического искусства. В отличие от меня, Арк может позволить себе настоящую мастерскую. Я была здесь и раньше, но в этот раз он смотрит на меня с острым любопытством. Прищурившись, листает снимки моих работ.

– Неплохой выбор. Насчёт первых двух не знаю, а вот эту точно купят. Абстрактное искусство в моде.

Арк поглаживает фотографию кончиком пальца, словно пытается ощутить рельефность работы. На ней объёмные формы разбросаны по холсту в эмоциональном беспорядке, но, если посмотреть издалека, всё вместе складывается в изображение раскидистого дерева. Работа так и называется *«Взгляд издалека»*.

– Из чего это сделано?

– Пенопласт и дерево.

Арк берёт следующую фотографию.

– Тобой тут Данила Резник интересовался, – говорит, тебя в руках снимок настенной конструкции из лёгкого металла. – Говорит, вы бывшие одноклассники. А я у него гитары беру.

– Играешь?

– Нет. Работаю над новой темой – *«Музыка тела»*.

Арк сдвигает занавесь и показывает на двухметровый холст – обнажённая женщина чувственно изгибается на ковре, прижимая к себе гитару. Провода змеятся по ногам порочными намёками.

– Знаешь секрет твоего успеха? – спрашиваю, разглядывая остекленевшие от похоти глаза любительницы рока. Сказала бы «металкора», но звучит совсем уж пошло.

– Знаю, – улыбается Арк, – но с интересом выслушаю твои догадки.

– На твоих работах изображены чужие тайны. Глядя на картину, люди притворяются, что не имеют отношения к такой порочности, но при этом упиваются и горят внутри. В результате все остаются довольны.

Арк загадочно улыбается, не желая комментировать мою теорию. А мне вдруг жутко захотелось предложить на выставку «Секрет». Арк его не примет, качество не то, работа совсем детская, но пусть посмотрит. Уж он-то почувствует в «Секрете» чужую тайну.

А я бы с удовольствием посмотрела на его реакцию.

– Слушай, Ника, а вы с Резником любовники или как?

– Или как. А что?

– Да так, любопытно. Он так о тебе говорил... короче, я решил, что вы встречаетесь.

– С Резником много кто встречается, но не я.

Арк понимающе усмехается.

– Он только что приобрёл новую гитару, принёс похвастаться. Носится с ней, как с ребёнком.

– Резник ещё в школе бредил гитарами.

– По-моему, сейчас он бредит кое-чем другим, вернее кое-кем! – Арк подмигивает. – Ладно, проехали. Я попросил Резника одолжить мне новую гитару для картины, и он поставил условие, что натурщицей будешь ты.

– Я?! С какой стати?

– Он сказал, что гитара особенная. Вроде и корпус без изысков, и гриф обычный, и внешний вид не самый броский, но звук волшебный.

В словах Арка нет ничего вызывающего, но пальчики ног произвольно поджались. Взгляд возвращается к обнажённой натурщице с гитарой. То, что Резник представляет меня в таком ракурсе... в таком виде... Это волнует.

Проигрываю в мыслях варианты картины, одна другой неприличнее. В моих фантазиях в мастерской присутствует Резник.

– Э-э-э... спасибо, Арк, но это не моё. Если позировать, то только с контрабасом, чтобы за него спрятаться.

– Жаль!

– Не жалеяй, тебя мои формы не устроят.

– Зато есть гарантия, что на эту работу найдётся покупатель, – смеётся Арк.

Вернувшись домой, я раздеваюсь и придирчиво осматриваю себя в зеркало. Обычное тело, средненькие формы. На картину с балалайкой, может, и потяну, а вот с супермодной гитарой – никак. Да и лицо из разряда милovidных, не более того. Каштановые волнистые волосы чуть ниже плеч, обычные серые глаза и бледная кожа никак не вяжутся с образом женщины-вамп на вызывающей эротической картине. Если выложиться по полной – там оттенить, тут подкрасить, здесь начесать, то можно вылепить из меня претендентку на мужские взгляды. Однако, если слишком сильно стараться, то станешь в ряд бабочек-однодневок, которых без грима и не узнать. В детстве я надеялась вырасти высокой и красивой, но результат получился средненький. Так бывает – на что надеешься, то и не получишь. С конкурсом тоже так вышло.

Резник удивил меня своей странной фантазией. Любопытно, что именно он увидел на холсте. Может, позвонить ему и поблагодарить за вчерашнее? Нет. Хорошо, что я стёрла и забыла его номер. Совсем не помню, ни одной цифры не стоит перед глазами.

Следующие несколько дней я много работаю и стараюсь не думать о Резнике. В среду утром проезжаю мимо его магазина. Ничего примечательного – музыкальные инструменты в витрине, расчищенное от снега крыльцо. Зачем, спрашивается, приехала? На что нарываюсь?

В пятницу я приезжаю, чтобы помочь Арку перед открытием выставки. Он нервничает, мечется между залами и постоянно меняет картины местами.

– Всё не так! Мы не успеем! – вопит горестно. Арк творческий человек, как и я, поэтому удивляться нечему. У нас докторская степень по накручиванию себя.

Я ревностно слежу, как рабочие вешают мои картины. Не зря волнуюсь, потому что металлическую конструкцию вздёргивают вверх ногами.

– Неужели не видно, что на ней человеческое лицо? – возмущаюсь.

Зря возмущаюсь. Я пробую себя в разных стилях и не чужаюсь абстракций. Повесишь вверх ногами – глядишь, популярность только повысится, да и смысла больше увидят.

Отвернувшись от недоумевающих рабочих, замечаю в дверях Резника.

– А ты здесь какими судьбами?

– А я спонсор. На картинах Арка инструменты из моего магазина. Покажешь свои работы?

Мне хочется произвести впечатление на Резника, что несправедливо, ведь мне совсем не нравится его музыка. Но я не смогу быть с человеком, который не понимает моё творчество. Никогда не смогу. Никак.

Данила стоит у каждой работы по паре минут, потом склоняется ко мне.

– Лиознов идиот!

По телу пробегает горячая волна, настолько сильная, что я пошатываюсь. Иногда пара слов сильнее сотни. Резник считает, что я талантлива, что должна была выиграть конкурс, что Лиознов, владелец галереи, идиот, потому что... по многим причинам.

Резник обнимает меня за плечи, осторожно, как в замедленном кадре.

– Лиознов идиот во всём, кроме одного, – говорит, глядя на мои губы.

Я хочу сосредоточиться на выставке, на работах, на творчестве, но вместо этого слушаю его дыхание.

– Арк предложил мне позировать для него. Сказал, что по твоему совету.

– Ты согласилась? – Его рука ощутимо напрягается и сжимает моё плечо.

– Нет, я отказалась, такие затеи не для меня, – сознаюсь с долей сожаления.

Резник фиксирует меня пристальным взглядом, словно вот-вот достанет детектор лжи, потом выдыхает.

– Я рад, что ты отказалась, – говорит, глядя в сторону.

– Тогда зачем предложил?

– Я хочу эту картину для себя. – Резник прикрывает глаза, словно представляет её прямо сейчас. – Хочу увидеть, как твои пальцы скользят по грифу, как дрожат твои бёдра от прохлады дерева... Мне нужна эта картина, но я не хочу, чтобы Арк её писал, чтобы видел тебя обнажённой, – сознаётся Резник. – Знаешь, Ника, по внешнему виду гитары сложно определить её звучание. Новички зачастую бросаются на дорогие гитары из-за бренда и внешнего вида. Я и сам этим грешил. А дело совсем в другом – надо найти своё звучание, такое, чтобы в твоих руках оно было неповторимым.

Внутри появляется странное ощущение, словно начинается гигантский оползень. Каменные пласты памяти ползут вниз по склону. Страшно и неожиданно, потому что знаешь, что подняться обратно они уже не смогут.

– И ты нашёл своё звучание? – Этот вопрос – прыжок с обрыва, точка невозврата. Но я не могу молчать.

– Очень на это надеюсь, – отвечает Данила, глядя мне в глаза.

Даже если Резник играет со мной, боюсь, я уже не смогу спастись.

Секунда – и его серьёзное лицо расплывается в улыбке. Словно фокусник провёл ладонью – исчез незнакомый мне серьёзный, искренний мужчина, и появился привычный шалопай.

– Не передумала, Ника-Ника-Ника? Не хочешь, чтобы я тебя утешил? – Его пальцы пробегаются по моим рёбрам, и я подаюсь ближе, хихикая от щекотки.

– Спасибо, но я не расстроена.

– Нисколько не расстроена? – притворно удивляется он, прижимаясь ближе. – Может, хоть самую малость?

– Только если самую малость.

Его колено между моими, его пальцы танцуют на моей коже, синий взгляд потерял фокус.

Я тоже потеряла фокус. Совсем.

От Резника пахнет приятным, чуть сладковатым одеколоном, и я отвлекаюсь на запах, не могу почувствовать за ним мужчину.

– Нюхаешь меня, Ника? – говорит он так чувственно, что вдох замирает в моём горле. Мы обнимаемся посреди галереи среди суетящихся рабочих. Вернее, Резник обнимает меня, а я чуть отклоняюсь назад, но при этом млею от близости. В его эмоциях ощущается нечто настолько сильное, что вспоминается опьянение школьного спектакля. Когда Резник рядом, у меня кружится голова.

– Мне нравится, как ты пахнешь.

– Когда женщина говорит, что ей нравится твой одеколон, это значит, что ей не нравишься ты.

– Ты не можешь не нравиться, – выдаю дешёвый ответ.

– Не могу, но ведь умудрился, да, Ника? Я умудрился не понравиться тебе в школе.

Резник смотрит на меня, сощурившись. Я поймана в волнующей близости его тела. Вскоре всё станет ясно. Если это игра, то он быстро насытится, и я смогу избавиться от «Секрета» и от будоражающих воспоминаний заодно. Такой исход не будет обидным, скорее закономерным.

– Ты мне нравишься, – признаюсь, приняв решение.

– Ничего себе пауза! Я думал, ты снова мне откажешь.

– Я никогда тебе не отказывала, да и ты ничего не предлагал.

– Зато сейчас предлагаю. – Касается губами моего виска, и я вздрагиваю, как от электрического шока. – Знаешь, что я тебе предлагаю? – шепчет. – Я хочу услышать, как ты звучишь, Ника. Хочу почувствовать твою вибрацию под моими пальцами, изучить твои изгибы. Интуиция подсказывает, что это будет незабываемо.

Интересно, как часто он использует этот музыкальный подкат? Его популярность более чем обоснована. Улыбаюсь в ответ, стараюсь вести себя прилично, но мне не удаётся. Резник целует меня, страстно и глубоко, и я раскрываюсь навстречу.

– Когда надоест строить из себя хорошую девочку, я к твоим услугам, – говорит, отстраняясь.

Пошатываясь, смотрю ему вслед. Моргаю, трясую головой, но вижу его как сквозь толщу воды.

Это наваждение. Испытание Резником.

Он хочет меня «утешить», играет со мной. Я не должна

соглашаться, но...

Мне кажется, я согласна, хотя...

Кто утешит меня после того, как Резник наиграется с бывшей одноклассницей?

***

Открытие выставки проходит замечательно, без излишней помпы и с должным уважением к благотворительной организации. У Арка отличный вкус. Я брожу по выставке, то и дело возвращаясь к своим работам и подглядывая за посетителями. Группа мужчин окидывает зал равнодушными взглядами. Пожилая женщина в мехах пренебрежительно морщит нос. Не моя аудитория. Каждый взгляд как рана. Легче не выставляться, легче запереться в студии и забросать работы брезентом, чтобы никогда не ловить чужие взгляды и не сгорать от немого вопроса – нравится или нет. Нравится ли им моя душа.

Любой скажет, что так нельзя и что я извожу себя по глупости. Творческие люди поймут, мазохисты пожмут руку, остальные покрутят пальцем у виска.

В искусстве нет хорошего и плохого. В нём не может и не должно быть стандартов. Есть только «моё» и «не моё». Остальное – шум.

– Видишь пожилую пару? Мужчина с тростью и женщина

с блокнотом, – шепчет знакомый голос за спиной, и, ослабевшая после сложного дня, я откидываюсь на грудь Резника.

Вздыхаю, прикрыв глаза. У меня перерыв. Пусть пользуются мною, как хотят.

– Ш-ш-ш, спокойно, расслабься! – Резник прижимает меня к себе, поглаживая ладонью. – Довела себя до нервного срыва? Зря. Вот, слушай: эти люди направились напрямиком к твоей абстрактной работе, «*Взгляду издалека*», долго её обсуждали, потом записали номер лота. Всё хорошо. – Разворачивает меня лицом к себе. – Люди останавливаются у твоих работ, обсуждают их. Один мужик завис около металлического портрета. Кстати, как называется та работа?

– «*Сильный мужчина*». Портрет сделан из металла, символа мужской силы. Все думают, что металл – значит, прочно и надёжно. А это не так.

– Ты часто работаешь с металлом?

– Это проба со времён академии. Я предложила Арку три работы в разном стиле, чтобы посмотреть, какая привлечёт больше интереса.

Резник улыбается и проводит большим пальцем по моей щеке. Отвлекает меня вопросами и вниманием, хочет, чтобы я не волновалась. Это приятно.

– Расскажешь о своей жизни? – просит мягко. – Про академию, про друзей, про всё. Хочу наверстать упущенное. – Кончики его пальцев пробегаются по моей скуле и спускаются к углу рта.

– Расскажу.

Тянусь губами к его ладони, как младенец, ведомый безусловными рефлексам.

Прикрыв глаза, Резник выдыхает. Замирает, с силой сжимая губы. Когда он снова смотрит на меня, его глаза светятся.

– Ты останешься здесь до вечера? – спрашивает глухо. – Пойдёшь в бар вместе с остальными?

– Д... нет.

– Тогда...

Проводит большим пальцем по моим губам, размыкая их и с нажимом касаясь зубов. Скользит по кончику языка и, наклонившись, заменяет руку губами.

– Надоело быть хорошей девочкой? – спрашивает, щурясь.

– До ужаса.

– Тогда держись!

Держаться мне не приходится, по крайней мере, не в том опасном смысле, который обычно вкладывают в это слово. Данила Резник оказывается невероятно нежным любовником. И красивым, завораживающе красивым. Пока мы едем в такси, он держит меня за руку и молчит. А я волнуюсь. Что, если я скучна в постели? Опыта у меня мало, навыки стандартные, а Резник привык...

Я ничего о нём не знаю. Ни к чему он привык, ни что ему нравится.

Но мне не хочется его разочаровать.

Когда мы заходим в квартиру, Данила берёт меня за руки и делает глубокий вдох, словно готовится признаться в смертном грехе.

– Если тебе кажется, что всё происходит чересчур быстро, отбрось эти мысли! – говорит срывающимся голосом. – Мы и так потеряли слишком много времени, чтобы отвлекаться на сомнения.

Данила Резник волнуется сильнее, чем я. Бесшабашный бабник, избалованный повеса, он нервничает из-за предстоящей близости.

Прикладываю ладонь к его груди, целую в губы и говорю: – Тогда зачем тратить время на разговоры?

Данила всё делает красиво. Раздевает меня медленно, нежно, лаская грудь кончиками пальцев, поглаживая живот. И смотрит. Ставит перед собой, обнажённую, и смотрит, смотрит, смотрит. С таким вниманием, с такой страстью, что я и сама опускаю взгляд, чтобы понять, что он видит во мне такого, чего не замечаю я.

Потом он меня целует, настойчиво и долго, словно после месяцев воздержания. Раскладывает на постели и изучает каждый сантиметр кожи, водит по ней губами, языком и пальцами. Я пытаюсь ответить тем же, но Данила удерживает меня на месте.

– Я очень долго ждал, – ворчливо объясняет свою жадность.

И снова целует, пока я не умоляю о большем, не в силах вынести чувственную дрожь.

Данила входит в меня и замирает, глядя в мои глаза. Капля пота катится по его скуле и падает на моё лицо. Напряжённый, он нависает надо мной на подрагивающих руках и смотрит на каплю. Смазываю её указательным пальцем и слизываю кончиком языка. Глядя в глаза Даниле, сглатываю и облизываю губы.

Мы не размыкаем взглядов.

– Хочешь, чтобы я занялся с тобой любовью? – спрашивает он, не двигаясь. Проверяет мою решимость, мою отдачу, и тогда я начинаю двигаться сама. Уверенно, настойчиво, и он подхватывает мой ритм.

– Очень. Очень.

Говорю дважды. Первый раз – ему, второй – себе.

Вот так начинается моё падение в мир Данилы Резника.

Он кончает быстро и сильно, до боли прикусывает мою грудь и раздражаясь утробным криком. После последних ударов его бёдра придавливают меня каменным весом.

– Это было невероятно! – выдыхает хрипло.

А передо мной встаёт выбор – солгать или нет.

Данила знает правду и ждёт моих слов. Я могу отделаться вежливой ложью типа: «Ты был великолепен», но лгать в таких вещах бессмысленно и опасно.

– Я не всегда кончаю с первого раза, – говорю честно. – Только когда привыкаю к мужчине и... когда доверяю.

– Нет ничего важнее доверия. – Его взгляд вдруг темнеет, наливается незнакомой силой. – Ника, послушай, для меня это важно. Ты всегда должна говорить мне правду. Всегда.

Потом он лежит на спине, а мои руки и губы жадно бродят по его совершенному телу. Я целую широкую грудь, идеальный живот, музыкальные пальцы. Даже мозоли от гитары кажутся красивыми.

Моя страсть пробуждается неожиданно, в ответ на порыв Данилы, и я теряюсь, стону, выпрашивая вторую попытку.

Он играет со мной очень умело, но этот вид игры доставляет удовольствие.

– Тебе хорошо, Ника? – дразня меня языком, спрашивает он.

– Д-д-да-а.

– Покажи, насколько хорошо!

Крохотный укус за место, кусать которое никому другому и в голову бы не пришло, – и я изгибаюсь на постели в остром наслаждении.

Если судить по силе оргазма, то я научилась доверять Даниле Резнику. Несмотря на его дурную репутацию и на прошлое, свидетельницей которого была я сама.

– Наконец-то я показал тебе мой «Гибсон»! – смеётся он, вспоминая нашу беседу в школьной мастерской.

Резник держит меня на краю. На краю всего – чувств, ощущений, откровений, оргазма. Я боюсь закрыть глаза и пропустить эмоции на его лице. Хочу увидеть хоть что-то,

позволяющее понять бывшего одноклассника и расшифровать магнетическую синеву его взгляда. Но уследить за ним невозможно, его эмоции подвижны, как ртуть. Он то шутит, то отчитывает меня с внезапной строгостью – а потом вдруг вздыхает и с силой прижимает меня к себе.

– Есть такое выражение: «Лови момент». Иногда удаётся поймать момент, когда ты совершенно и абсолютно счастлив и имеешь всё, о чём мечтал. Я только что поймал такой момент.

Воздух вокруг нас накаляется необходимостью моего ответа. Неотложной необходимостью.

– Мне очень хорошо с тобой, – шепчу. Это всё, что я могу предложить в ответ. Мы только что встретились, это наш первый раз... В Даниле всего слишком, с избытком, и это вызывает невольный страх. Словно меня затягивает в синюю бездну.

После секундной паузы он смотрит на меня с ухмылкой.

– А сейчас будет ещё лучше, – обещает.

Женщины придают особое значение тому, остаётся ли мужчина на ночь. В нашем случае всё проще – мы так и не засыпаем.

– Не ходи больше на выставку, – просит Данила на следующее утро. – Не трепли себе нервы. Лучше выспись, а я вернусь после работы.

Он вернётся вечером. Значит, наши отношения не на одну

ночь. Я добровольно зашла в зыбучие пески, погрузилась по горло и жду, что будет дальше.

– Если соскучишься, приезжай в магазин, и я познакомлю тебя с друзьями, – предлагает.

С друзьями? Уже?!

Сев на постели, отодвигаю ширму, чтобы увидеть лицо Данилы. Увидеть-то увидела, а вот что сказать – не придумала. Наши отношения развиваются со скоростью, от которой захватывает дух.

– Почему ты смотришь на меня с таким священным ужасом? Ты же спрашивала про магазин, вот и зайди, если хочешь посмотреть.

– Хорошо.

Мне не заснуть. Брожу по квартире озадаченная, довольная и приятно опустошённая.

Пытаюсь рисовать, но карандаш валится из рук. Говорят, такое случается при влюблённости?

***

Данила Резник и я. Я и Данила Резник. Мы встречаемся уже две недели. Не обсуждаем наши отношения, не вешаем на них ярлык. Данила приходит по вечерам и остаётся у меня. Не каждый день, но если не приходит, если уезжает на концерты, то звонит. Он по-прежнему не пускает меня на выставку, чтобы не волновалась. Успешно отвлекает меня

собой.

Но сегодня аукцион, и я не могу остаться дома. Данила пытался меня переубедить, но я была непреклонна, и тогда он пошёл со мной. Мы на выставке вместе, как пара. Общаемся со знакомыми, но постоянно ищем друг друга в толпе. Не сдержавшись, Данила ведёт меня на лестницу, и мы целуемся взахлёб, словно не виделись целый месяц.

– Ты мне не доверяешь, – смеюсь. – Ревнуешь к Арку.

– Я скучаю, когда тебя нет рядом. Поехали домой!

– Я не могу, через час аукцион.

Данила улыбается, и в его улыбке поровну нежности и мольбы. Придвигается ближе, прижимает меня к стене и шепчет:

– Дело в том, что у меня возникла небольшая проблема. – Надавливает бёдрами и прикусывает мою губу. – Чувствуешь какая?

– Похоже, что у твоей проблемы впечатляющие размеры, – улыбаюсь.

Мысли плывут. Моргаю, разгоняя марево желаний, но тело уже отзывается на ласки.

– М-м-м... похоже, у тебя тоже возникла проблема, – улыбается Данила. – А давай моя большая проблема решит твою маленькую проблему? – С этими словами он запускает руку туда, куда, совершенно точно, не суются в общественном месте.

Повисаю на нём, ослабев от неожиданности, и в этот мо-

мент аукцион кажется блажью. Мелким событием в сладком потоке моих отношений с Данилой Резником.

– Скажи, что я тебе нужен, Ника! – просит он. Когда Данила топит меня в силе и нежности синего взгляда, я не могу отказать.

– Очень. Очень. – Моё традиционное двойное «очень». Одно – ему, второе – мне.

Я должна пойти на аукцион, чтобы увидеть, как продадут или не продадут мои работы. Должна...

– Поехали домой! – соглашаюсь.

Пока мы спускаемся по лестнице, я искоса слежу за лицом Данилы, ожидая увидеть на нём торжество. Я не дурочка и догадываюсь, что происходит. Он нарочно отвлёл меня и везёт домой, чтобы оградить от переживаний на аукционе. Ведь если не купят мои работы, ему предстоит справляться с моей депрессией.

Но на его лице только нежность, а в глазах – туман желания.

Дома он усаживает меня на постель, но, когда я запускаю ищущие руки под его рубашку, останавливает.

– Подожди! Ты должна кое-что знать.

Внутри появляется мерзкое ощущение, словно я проглотила ледяную рыбину. В глубине души я всё ещё жду подвоха, признания, что наши отношения – всего лишь игра для Данилы. Как будто вот-вот вбегут его дружки и посмеются

над наивной старостой.

– Угу? – нахожу в себе силы ответить.

– В школе ты не обращала на меня внимания и встречалась с Гришей. Я подозревал, что вы просто друзья, но так и не признался, что я тебя любил.

А ведь я подозревала, какие чувства прятал его синий взгляд. Не могла на них ответить, поэтому притворилась, что не знаю.

Данила садится рядом и берёт меня за руку.

– Ты любила Гришу?

– Я хорошо к нему относилась.

– Я так и знал, что не любила, но всё равно держалась от меня подальше. И Гришу настроила, чтобы он за мной следил. Я тебя не осуждаю, Ника, ты поступила правильно, ведь я был никем, пустым местом. А теперь... мне показалось, что в кафе ты смотрела на меня по-другому, не так, как в школе. словно готова дать мне шанс. Я знаменит, да и деньги появились, а мои чувства никуда не делись.

Данила решил, что я повелась на его деньги и славу. Он совсем меня не знает.

– Деньги и слава только мешают. Из-за них ты всё время на виду, тебя окружают соблазны и шум.

Опрокинув меня на постель, Данила нависает надо мной и выговаривает чётко:

– Тебе, – целует в губы, – не о чем, – целует подбородок, – волноваться, – проводит губами по шее, щекоча дыханием.

В такие минуты я и не волнуюсь. Мужчина в моей постели не похож на Данилу Резника из прошлого. Хочется верить, что только я знаю его таким. Что только моё тело он изучает с чувственным интересом. Только мне шепчет, гипнотизируя синим взглядом:

– Скажи, чего ты хочешь, Ника, и я сделаю. Расскажи обо всех твоих желаниях!

Тягучий, грешный шёпот отзывается дрожью в позвоночнике.

– Да, – отвечаю одними губами.

– Что «да»? – улыбается и заставляет раздвинуть ноги. – «Да» – это согласие или признание?

Дразнит меня кончиком пальца, потом надавливает так сильно, что я изгибаюсь и ловлю ртом воздух. Данила целует меня, выпивая сбившееся дыхание.

– Я дам всё, что тебе нужно, Ника.

Его слова перебрасывают меня через край. Чувства Данилы настолько сильны, что хватит на нас обоих. Его мягкие губы и большие обещания таят в себе тайны, вкусные и разные.

– Да, – повторяю, соглашаясь на всё, что он предложит.

– Ты кончила быстро, Ника, а теперь кончишь ещё раз, только медленно.

Я уже не пытаюсь закрыться, потому что это бесполезно. От Данилы Резника не закроешься.

– Хочу, чтобы со мной ты всегда была искренней и откры-

той, – настаивает он. – Хочу знать тебя всю.

Никогда не думала, что от удовольствия можно устать, но нежность Данилы выпила все мои силы.

– Давай отпразднуем Новый год вместе? Тогда и весь следующий год будет нашим, – шепчет он.

Весь. Следующий. Год.

Данила Резник отводит мне целый год. Целый год вместе. Это долго. Или нет, наоборот, это очень мало.

Я не знаю. Сейчас я ничего не знаю. Я оглушена страстью.

Данила засыпает, сжимая меня в объятиях, его голова на моей груди. Стараюсь его не разбудить, не двигаться, но тут оживает мой мобильник, нарушая тишину вибрацией.

Высвободившись, беру телефон и прячусь в ванной.

Звонит Арк Молой.

– Где ты, Ника? Ты пропустила аукцион!

Я забыла предупредить его о моём уходе. Ушла с Данилой, загипнотизированная эффектом синих глаз.

– Всё понятно, причина исчезновения – Резник, – усмеяется Арк, не дождавшись моих признаний. – Жаль, что ты ушла, на таких мероприятиях заводят очень полезные знакомства. Если тебя интересует результат, то знай: всё прошло отлично. Оставшиеся картины продадут на интернет-аукционе...

Арк что-то говорит по поводу вырученных денег, телевидения и вечерних новостей, но я почти не слушаю. Приот-

крываю дверь ванной и смотрю на Данилу.

– Ника, ты меня слушаешь?

– Конечно, слушаю. Ты большой молодец, Арк!

Я настолько отвлечена, что забываю спросить про мои работы. Забываю! Это немыслимо.

– А про свои работы спросить не хочешь? – усмехается Арк недоверчиво.

Сжимаю телефон изо всех сил, случайно нажимая на кнопки.

– Давай, говори! – прошу тихо.

– Всё продано.

– Правда?!

Я словно пробуждаюсь. Данила отвлек меня, заколдовал, но ненадолго. Хочу знать всё и сразу: как продано, за сколько, много ли было желающих... Всё.

Арк довольно хихикает.

– Наконец-то! А то притворялась равнодушной, на тебя это не похоже. Все твои работы купили. Цены можешь узнать в офисе. Поздравляю, Ника! Надеюсь, ты больше не расстраиваешься из-за Лиознова.

Наверное, мои работы купила та пожилая пара, про которую говорил Данила. Или...

– Арк, а ты знаешь, кто купил мои работы?

– По-моему, все три работы ушли одному покупателю. Некоторые участвуют в торгах сами, другие анонимно или через посредников. Если приспичило, интересуйся у органи-

заторов. Может, и узнаешь, кто купил.

Я снова открываю дверь ванной и смотрю на спящего Данилу.

Мы с Арком обмениваемся любезностями и договариваемся о скорой встрече, но мои мысли витают в другом месте. Над постелью, в которой спит Данила Резник.

Я уверена, что именно он купил мои работы.

Он очень старался увести меня с аукциона. Боялся, что я узнаю посредника и догадаюсь о его вмешательстве? Он отвлек меня и обеспечил себе алиби.

Опускаюсь на пол и думаю. Теперь мне видна только рука Данилы, расслабленно лежащая на простыне, и я хочу подойти и дёрнуть за неё изо всех сил. Хочу сделать ему больно.

Данила не верит в меня. Не верит, что мои работы интересуют покупателей, поэтому сам их купил. Наверное, так поступают, когда действительно любят человека и хотят защитить его от боли.

Но это неправильно. Я поторопилась насчёт доверия. Оргазм – не самый надёжный показатель.

Выхожу на лестничную площадку и звоню организаторам аукциона. Вместо ответа получаю лекцию о конфиденциальности.

– Если хотите, я могу передать покупателям, что вы ими интересовались, – предлагает мужчина официальным тоном.

– Нет, прошу вас, не говорите ему, что я звонила.

Мужчина хмыкает.

– Я искренне вас поздравляю. Ваши работы привлекли большой интерес, и я понимаю почему. Вы очень талантливы.

Большой интерес?!

Эти слова расцветают во мне острой радостью. Мне хочется его обнять.

Хочется всех обнять.

То, что Данила купил мои работы, больше не расстраивает. Слова незнакомца стёрли мою неуверенность.

Возвращаюсь в квартиру в приподнятом настроении и наталкиваюсь на Данилу. Он стоит у двери, скрестив руки на груди.

– С кем ты разговаривала? – Напряжённый взгляд сканирует моё лицо.

– Данила, я знаю, что ты сделал. – Сердце прыгает в горле, делая слова прерывистыми и нервными.

– Что ты имеешь в виду? – Прищуренный взгляд отталкивает меня, защищаясь от грядущих обвинений.

– Я знаю, что ты купил мои работы. Ты увёл меня с аукциона, чтобы я не волновалась и не расстраивалась. Ты договорился с посредником?

Он не отвечает, сканирует моё лицо, решая, признаться или нет. Ведь он тоже творческий человек и всё понимает.

– Я сначала расстроилась, но потом поняла, почему ты это сделал. Ты хотел меня защитить. Спасибо!

Прижимаюсь к нему, обнимаю. Мышцы под пальцами кажутся каменными.

Наклонившись, Данила согревает мои губы сухим поцелуем, долгим нежным касанием.

– Ника... – шепчет, прикрыв глаза, – я тебя люблю.

Возможные ответы щекочут язык. Я никогда не любила мужчин, кроме папы. Я не знаю, как возникает уверенность, что твои чувства – любовь. Где та лакмусовая бумажка, которая подтвердит, что вот оно, то самое книжно-песенное чувство?

– Ох, Даня!

Слабенький ответ, на троечку с минусом, но к нему прилагается такой поцелуй, что Даниле пришлось меня простить.

Я не отпускаю его губы до тех пор, пока он не начинает смеяться.

– У тебя нет доказательств, что я купил твои работы. Вдруг это тайный поклонник твоего таланта?

– Твоя хитрая мордаха очевиднее любых доказательств! – Смеясь, щекочу его бока. – Организаторы сказали, что в торгах участвовало несколько покупателей, так что ты зря волновался. А теперь у тебя дома будут залежи моих работ.

– Какой ужас! – Данила строит забавную мину. – Я продам картины по огромной цене. Позвоню в Сотбис³, они будут в восторге. – Толкает меня на постель и расстёгивает пуговицу

---

³ Сотбис – знаменитый аукционный дом предметов искусства. Исходно основан в Лондоне, но филиалы имеются в разных городах мира.

на джинсах.

Рассмеявшись, хватаю его за руки.

– Данила, послушай!

– М-м-м?

– Никогда так больше не поступай, ладно?

– Обещаю! – шепчет мне в губы. – И ты кое-что пообещай, ладно? Люби меня, Ника!

Искренность, страсть и синий взгляд – это убийственная комбинация. С ними не поспоришь.

– Обещаю! – говорю на выдохе.

***

Два месяца спустя

Из чего построены отношения творческих людей? Из взлётов, падений и сочувственной лжи.

Оказалось, что Данила тоже лжёт, и не только насчёт аукциона. Ему *приходится* лгать, потому что от меня ушло вдохновение. Внезапно и безвозвратно.

«Вдохновение вернётся, Ника. Обязательно! Погуляй, расслабься, и всё получится».

«Не расстраивайся! Ты талантлива, и однажды весь мир об этом узнает».

Данила успокаивает меня с уверенностью, которой не чувствует. Берёт на себя груз необоснованного оптимизма.

Из чего построены наши чувства? Из нежности Данилы, его внимания, его улыбки, когда он подводит меня к экстазу. Мы никогда не кончаем вместе, он ждёт моей кульминации, хочет стать свидетелем моего полного ухода в наслаждение перед тем, как отключиться самому.

Он умеет управлять моим телом, и, как ни странно это звучит, порой мне кажется, что он управляет моими мыслями.

Раньше всё было по-другому, раньше моей любовью были акриловый грунт, краски и структурная паста. Данила украл моё внимание, забрал мои чувства, и мне больше нечего выливать на холст. Теперь я живу мужчиной. Мои чувства не выразить, не вырезать из пенопласта, дерева и металла, не спрятать их неровные края под акриловой краской. Наверное, такова влюблённость, она не хочет делиться и поэтому несовместима с другими интересами.

Я взяла творческий отпуск. Подала картину на очередной конкурс, но вылетела в первом раунде и забила на эту идею.

Вдохновлённый удачным опытом, Арк Молой решил устроить повторную выставку, в этот раз коммерческую. Я предложила ему две картины, единственные, написанные за время отношений с Данилой.

– Ник, тут такое дело... короче, слишком много желающих. Давай в следующий раз, ладно?

– Арк, скажи честно, работы плохие?

Он молчал целую вечность.

– Мне нравится твой стиль, – ловко увернулся от ответа. Значит, картины действительно никудышные.

Я почти не расстроилась, однако посмотрела на вещи реально и выбросила расписание конкурсов и выставок. И со знакомыми перестала встречаться, Данила занимает всё моё время и мысли. Недавно сходила на банкет по поводу открытия новой галереи и среди гостей увидела Трофима Лиознова. Он смерил меня презрительным взглядом и демонстративно ушёл в другой конец зала. Банкет мне быстро наскучил, и Даниле не пришлось уговаривать меня вернуться домой.

Я продолжаю давать уроки, хотя и не так много, как раньше. Потеряла несколько клиентов. Всё свободное время провожу с Данилой. Иногда достаю чистый холст и сижу перед ним, вспоминая, каково это – гореть творческим огнём. Но вдохновения нет, и руки опускаются. Зато есть Данила. Он пропитал мою жизнь собой, поглотил меня, и на остальное не остаётся ни сил, ни желания.

Его вдохновения хватает на нас обоих. Он не выпускает из рук гитару – играет, репетирует, пишет новые песни. Но я слышу только отрывки, отдельные фразы. У меня дома он не исполняет песни целиком. Данила не поёт для меня, а на концерты и репетиции я почти не хожу. Нас обоих это устраивает. Я приняла музыку Данилы, но это не значит, что я её понимаю. Мой нежный, любящий мужчина никак не ассо-

цируется с тёмным, неровным ритмом, злыми эмоциями и криками его песен. Иногда я ловлю тайную тьму его взгляда, отражение его музыки, и тогда он кажется незнакомцем. Пусть делит свою тьму с остальными, а мне останется его свет. Именно я поддерживаю его свет, поэтому щедро дарю свою нежность. Он живёт ею, я вижу это в его глазах и в том, как настойчиво он требует подтверждения моих чувств, снова и снова. Только я вижу ранимость Данилы, и я не могу и не хочу его обидеть.

Есть ещё одна причина, почему я не хожу на концерты и репетиции. Его фанаты разглядывают меня, и мне не нравятся их взгляды. Вокруг Данилы крутится туча поклонниц, и мне неприятно на это смотреть. Когда я рядом, он ведёт себя безупречно, да и друзья посмеиваются, что бесшабашный бабник потерял свою музыкальную голову. Но иногда я гадаю, что происходит после концертов или во время долгих репетиций. Можно ли ожидать от творческих людей постоянства?

Если тебя привлекла порывистость любовника, стоит ли удивляться его порывам?

Но это так, к слову.

Я люблю свет Данилы, его невозможно не любить.

А его тьма... она живёт в музыке.

От меня он требует только любви. Говорит об этом при каждой встрече.

– Люби меня, Ника!

Как припев.

– Я хочу стать для тебя всем. Тебе не обязательно любить мою музыку, но, пожалуйста, люби меня! – попросил он в самом начале наших отношений. Я не знала, что слово «любовь» произносят так быстро, но Данила любил меня с десятого класса.

Можно ли любить музыканта, если ты не в восторге от его музыки? Оказалось, что можно.

Можно ли любить художницу, от которой ушло вдохновение? Получается, что да.

Я нашла своё место в мире Данилы, а он вобрал в себя весь мой мир. Стал моим миром.

Своим неусыпным вниманием и нежностью Данила изменил меня, подчинил. Он занимается со мной любовью, а потом садится у окна и пишет музыку. Я чувствую себя в ней, во внезапных лирических аккордах и в каждой кульминации. «Ника-Ника-Ника-Ника», – напевает он, и я знаю, что следующая его песня будет обо мне.

Он черпает вдохновение в нашей близости. Глядя на пылящиеся в углу холсты, я мечтаю научиться тому же.

А пока...

Лежу, запутавшись в простынях, и улыбаюсь своей новой роли.

Я муза Данилы Резника. Трудно поверить, что свет наших отношений порождает тьму его творчества.

В своей съёмной квартире Данила почти не бывает, только чтобы повидать друзей, да и я не захожу в это сугубо мужское пространство.

– Пора купить собственную квартиру, – заявляет он однажды. – Чтобы было достаточно места для гитар и для твоих картин. Поищем подходящее место для нас? – внимательно следит за моей реакцией.

Он хочет жить вместе?! Так быстро? Меня засосало в самую глубь отношений, а я до сих пор ощущаю странное волнение с ноткой страха. Кажется, я несусь в скоростном поезде и почти не различаю мелькающие виды за окном.

– Давай подождём до весны, когда погода улучшится, – предлагаю, улыбаясь. Искренне улыбаясь, потому что мои отказы пробуждают тьму в его глазах, неуверенность и страх меня потерять. А я боюсь тьмы. Люблю свет Данилы и хочу его защитить.

Если это любовь, то она ощущается странно. Как новое восхитительное платье на размер меньше твоего. Смотришь на себя в зеркало и поражаешься – так красиво, что не отвести взгляд. Но платье ещё надо разносить, ткань стесняет движения, сдавливает грудь так, что трудно дышать.

Странное чувство.

«Если вы переживёте успех друг друга, значит, вы переживёте и все остальное», – говорит Арк Молой. Но эти слова к нам не относятся. Во-первых, моего успеха не предвидится. Во-вторых, муза не может не радоваться успеху муж-

чины, которого она вдохновляет. Успех Данилы делает меня счастливой.

Пусть всё остаётся без изменений, и тогда моё вдохновение не заставит себя ждать. Я найду способ перенести на холст то, что чувствую. То, как изменилась моя жизнь рядом с Данилой Резником.

***

Данила попросил меня написать его портрет.

– Твоё отражение есть в каждой моей картине...

– Покажи!

– Такие вещи невозможно показать, ты и сам понимаешь.

Это всё равно, что пытаться услышать меня в твоей музыке.

Осознав, что балансирую на краю, что нащупала нечто опасное в наших отношениях, достаю последнюю работу. Эксперимент с рельефом.

Данила проводит по нему пальцами, и я прижимаюсь к его руке в надежде успокоить его непонятно откуда взявшуюся ревность.

– Ты во всём, что я делаю, Дань.

– Я этого не вижу, – хмуро сдвигает брови. – Я хочу быть во всём, что ты делаешь, во всех твоих картинах.

– Так же, как я хочу быть в твоей музыке.

– Ты в каждой ноте и в каждом слове, – говорит тихо. Синие глаза темнеют от эмоций настолько глубоких, что я за-

держиваю дыхание. – Я хочу быть для тебя всем. *Всем*, понимаешь?

Неужели я когда-то думала, что наша связь продлится пару дней? Ведь ещё во время школьного спектакля я догадалась о глубине его чувств.

– Скажи правду, Ника, ты меня любишь?

– Даня, как тебя можно не любить?!

Я уворачиваюсь от ответа, и Данила это знает. Но я стараюсь быть честной. Не хочу обманывать его, говоря слова, которые значат для него больше, чем для меня.

– Я хочу быть твоей жизнью. На меньшее я не согласен, – предупреждает он.

Всего два месяца отношений, а у меня почти не осталось ничего своего. Я живу Данилой, но мне всё равно кажется, что я балансирую над пропастью его недоверия.

– Напиши мой портрет! – требует.

Я стараюсь не лгать Даниле, но в этот раз я лгу, и моя ложь не безобидна. В ответ на его просьбу, искреннюю, как детские слёзы, я предлагаю халтуру. Абстракцию, нарисованную из-за нежелания обидеть любимого мужчину.

Видны только синие глаза, остальные черты лица скрыты за ладонью. Я прячу лицо Данилы за неровными мазками красок. За ними же таятся мои страхи и сомнения.

Внимательно осмотрев портрет, Данила вешает его на стену. Мне кажется, он знает, что я солгала, что подарила ему пустышку. Картина так и висит над обеденным столом, но он

никогда на неё не смотрит. По крайней мере, при мне.

А «Секрет» лежит среди старых работ, и, если бы захотел, Данила смог бы его найти. Он и есть его настоящий портрет.

В ту ночь я просыпаюсь, потому что Данилы нет рядом. Он сидит у окна, сложив руки на подоконнике.

– Дая, что случилось? – шлёпаю босиком по холодному полу и сажусь к нему на колени.

– Скажи, Ника, ты меня любишь?

– Дань, не пугай меня. Что ты надумал?

С трудом балансирую на его коленях. Он позволяет мне устроиться удобней, но не удерживает.

– Я написал песню.

– Какую?

– Я только что написал песню, которая определяет всю мою жизнь.

– Как ты её назвал?

– *«Душа на ладони»*.

– Красиво. Споёшь?

Отрицательно качает головой. Лунный свет отражается в синих глазах и в мягкой улыбке.

– Не сейчас. Знаешь, Ника, единственное, о чём я когда-либо мечтал, это чтобы ты меня любила.

На следующий день я рассказываю родителям о моём романе со школьным хулиганом и нынешней звездой. Папа бледнеет, но лично к Даниле эта бледность не имеет никако-

го отношения. Рассмеявшись, я обещаю, что Данила не станет включать свою музыку на семейных обедах и не приглашит отца на концерты.

Мама же приходит в восторг.

– Вы с Данилой творческие люди, поэтому отлично понимаете друг друга и будете счастливы!

Мама права. Никто не понимает творческого человека так, как его сотоварищ по призванию.

Я не рассказываю Даниле о разговоре с родителями, потому что для их знакомства слишком рано. Может быть, в будущем...

Но будущее – это проза, а меня интересует только поэзия чувств.

Однако Данила думает по-другому, и, как это часто случается в наших отношениях, мне приходится с ним согласиться. Он проник в мою жизнь на удивление быстро и глубоко. Гитары у окна, мужские вещи в шкафу. Я наслаждаюсь моментом, а Данила, как оказалось, строит далеко идущие планы.

После удачного концерта он приезжает ко мне домой в три часа ночи. Заспанная, счастливая, я сдаюсь его нетрезвым поцелуям и позволяю вытащить меня из постели.

– Ребята приготовили сюрприз, и я хочу, чтобы ты пошла со мной. Веселье в самом разгаре.

Когда мы приходим на вечеринку, Данилу окружают по-

клонницы и друзья. Они смотрят на меня с осуждением и завистью, как и всегда. Кажется, они считают, что мне не место рядом с их кумиром.

Потому что я не принадлежу к их миру.

Потому что я украла внимание их звезды.

Не отпуская моей руки, Данила проходит сквозь толпу.

Играет музыка «Анатомии кошмара». Чужой, почти неузнаваемый голос Данилы выкрикивает злые слова. Толпа искренне наслаждается рваной мелодией и тёмным смыслом.

Мне неуютно на таких сборищах. Я полюбила Данилу, каждую каплю его нежности, но его тёмная, музыкальная сторона отталкивает меня. И то, как на меня смотрят его фанаты... Не подходят ближе, но замечают каждый шаг, каждое наше прикосновение, жадно читают по губам каждое слово.

– Ты ревнуешь, Ника?

Данила проводит пальцем по моему лбу, разглаживая морщинки. Ему хочется, чтобы я ревновала. А ведь я не ревную, всё намного сложнее. Наблюдая, с каким наслаждением поклонницы слушают музыку «Анатомии», я думаю о том, что любая из них подходит Даниле лучше, чем я. Любая будет счастлива занять моё место. То место и тот мир, в которые я не вписываюсь.

– Ревную, – со вздохом соглашаюсь. Так проще.

– Представь, что тебе предоставили выбор – остаться со мной или открыть персональную выставку. Что бы ты выбрала?

– Конечно, осталась бы с тобой. К тому же за последние два месяца я не написала ни одной стоящей картины.

– А что, если вдохновение не вернётся?

Я не понимаю, к чему он ведёт и почему так напряжённо вглядывается в моё лицо.

– Как говорится, на «нет» и суда нет. Хорошо хоть я могу зарабатывать уроками.

– Тебе не обязательно работать, я о тебе позабочусь.

– Ты и так обо мне заботишься.

– Я хочу заботиться о тебе ещё больше. Не закрывайся от меня, Ника, не лги. Всегда говори правду, ладно?

Он действительно пьян, впервые пьян настолько, чтобы испугать меня своим взглядом и тоном голоса. Слова исходят из тёмной глубины Данилы, пряча за собой слишком сильные эмоции.

– Дерьмо, не сомневайся во мне, пожалуйста! – говорю от самого сердца. – И тоже говори мне правду, – добавляю тихо.

– Хорошо, я скажу тебе правду, – говорит он после недолгого молчания. Его руки на моей талии подрагивают. – Если бы мне пришлось выбирать между тобой и музыкой, я бы никогда больше не притронулся к гитаре.

– Дерьмо, что с тобой? Наверное, это от стресса и выпивки. Тебе не придётся делать такой жестокий выбор. Я с тобой, и я тоже выбираю тебя.

– Мне трудно в это поверить. Кажется, что я отвернусь, и ты опомнишься и исчезнешь.

– Не исчезну.

– Уверена? Никаких сомнений?

– Эй, Резник, перестань! Утром тебя ждёт жуткое похмелье.

– А ты перестань ревновать меня к фанаткам. Вот, смотри...

Данила машет рукой, привлекая всеобщее внимание. Потом сжимает мою ладонь с такой силой, что я скулю, пытаюсь выдернуть ноющие пальцы.

Кто-то выключает музыку, и на нас сосредотачивается множество любопытных взглядов.

– Попрошу внимания! Для тех, кто не знает, это – Ника Туманова, и я любил её ещё в школе. Я надеюсь, что она согласится выйти за меня замуж. – Данила поворачивается ко мне. Синие глаза сияют страстным, металлическим блеском. – Ника, ты станешь моей невестой?

Невестой.

Толпа фанатов с разинутыми ртами, и я с застывшей улыбкой на губах.

Что бы ни случилось, я не могу обидеть Данилу, потому что в этом сильном мужчине прячется невероятная ранимость, о которой знаю только я. Страсть, бурлящая на поверхности его взгляда, – это ничто по сравнению с эмоциями, запертыми внутри. Потребуется годы, чтобы разгадать Данилу до конца.

Но мы знаем друг друга всего два месяца. Много лет и два

месяца.

Невеста – это почти жена. Покупка столовых приборов, борщи, детские дни рождения, встречи с родственниками, спор о том, чья очередь выгуливать собаку, тихий секс в ванной, пока ребёнок смотрит мультики...

Это не мы.

Данила Резник и я – это буря чувств. Тех, что на поверхности, и тех, что спрятаны внутри.

Я его муза, а не невеста, никак не невеста.

Я никогда не задумывалась о браке, да и о детях тоже. А сейчас у меня нет времени на размышления, потому что Данила смотрит на меня слишком пристально, и с каждой секундой из его глаз утекает радость.

От счастья до смертельной обиды несколько вдохов.

Фанаты предпочтут скандал, я вижу это в их разгорающихся взглядах, слышу, как ядовитые перешёптывания ползут по залу.

От толпы отделяется второй гитарист группы и подходит ближе. Кажется, он собирается вмешаться, и я ловлю взбешённый, ненормальный взгляд Данилы, нацеленный на приятеля.

В наступившей тишине трещат кости моей ладони. Данила сжимает её с такой силой, что мне должно быть очень больно.

Но я чувствую только шок. Холодный липкий шок.

Любимых людей не обижают. Никогда. Их поддерживают

и защищают любой ценой. Так ведь?

Секунды тикают, взгляды гостей становятся ядовитыми, и тогда я делаю единственное, на что способна в данный момент. Целую Данилу. Прижимаюсь к неподвижным сухим губам любимого мужчины. Он не отвечает. Позволяет мне прижаться ближе, разомкнуть его губы и ткнуться языком в плотно сжатые зубы.

Он обижен, что я не ответила сразу, но у меня есть оправдание – я шокирована внезапным и очень публичным предложением.

Данила наконец обнимает меня, и я позволяю себе расслабиться. Значит, он простил мою заминку.

Под жидкие аплодисменты фанатов я принимаю предложение Данилы. Его страсть. Он показал мне только самую малость, верхушку айсберга, а под ней прячется буря. Иногда я вижу, как она зачинается в его глазах, а потом отходит. Эта страсть в его музыке, которая мне не принадлежит.

Данила только что предложил мне всю свою страсть до дна.

Я отказалась от неё в школе, испугалась чувственной ярости его взгляда.

Я не могу так поступить в очередной раз, только не с Данилой Резником – мужчиной, в котором растворилась.

«Невеста – это ещё не жена, ничего страшного», – уговариваю себя, всем своим видом выражая восторг и согласие,

чтобы сделать счастливым мужчину, которого... люблю.

Чтобы доказать, что я не сомневаюсь.

***

Итак, я невеста. Ничего страшного не случилось, мир не перевернулся. Борща Данила не требует, детей тоже. Можно оставаться невестой много лет и ни о чём не волноваться. Наутро после спонтанной помолвки жених просыпается в отменном расположении духа. Целует меня, тормошит, соблазняет до полудня, а потом даже извиняется.

– Прости, что сделал предложение при всех. Иногда я немного порывист.

Да, он порывист. Это и хорошо, и... хорошо.

– Если не ошибаюсь, то предложения руки и сердца полагается делать неожиданно, так что извиняться не за что, – улыбаюсь.

– Да, но обычно девушки очень этого ждут.

Мне не нравится ирония в его голосе.

Наверное, я неправильная девушка, и мои дефекты неисчислимы. Но я не могу шутить на эту тему, когда Данила смотрит на меня так... сильно. Синий и сильный взгляд.

– Я счастлива. – Растворяю эти слова в поцелуе.

Это не ложь. Я действительно счастлива и почти не замечаю неуверенность и страх, копошащиеся в глубине души. Если мы не станем спешить со свадьбой, то всё будет хоро-

шо.

Если не станем спешить...

– Пора рассказать о помолвке нашей родне, – говорит Данила за ужином.

Мои родители не проблема. Папа поворчит, но будет за нас рад, а мама обрадуется. За них я не волнуюсь.

А вот семья Данилы...

– Дань, может, подождём?

– Чего подождём? – напрягается.

Старости.

– Ты рассказал родным о наших отношениях?

– Пока что нет. С братьями мы видимся редко, а у мамы проблемы со здоровьем, ей не до нас было. Но теперь всё определилось. У мамы в понедельник операция, и мы собираемся устроить ей сюрприз. Соберёмся все вместе у неё дома загородом и поднимем ей настроение, а утром отвезём в больницу. Будет забавно. Мы с братьями вырядимся ковбоями, как в детстве, подарим ей путёвку в санаторий, чтобы она восстановила здоровье после операции. Я хочу, чтобы ты поехала со мной, заодно и расскажем о помолвке. Отвлечём мать от грустных мыслей.

Сердце ухает вниз, приземлившись где-то в районе дрожащих колен.

Приходится напомнить себе, что я невеста. Мои колени должны дрожать только от счастья и предвкушения.

– Мне кажется, это не лучшее время объявить о помолв-

ке, – говорю осторожно, тем самым покрывая свой безотчётный страх. Уж кто-кто, а любящая мать Данилы прочитает сомнения, написанные на моём лице.

Да и убедить его братьев в том, что я люблю Данилу, будет непросто.

– Братья знают, как я относился к тебе в школе. Они считали, что тебе на меня наплевать, так что для них помолвка будет шоком. – Довольно потирает руки в предвкушении.

Я этого предвкушения не разделяю. Пытаюсь отсрочить встречу, но Данила непреклонен. Следит за каждым моим словом, за каждой деталью мимики. Мои сомнения его ранят, а я не хочу причинять ему боль.

– Не дрейфь, Ника, всё будет хорошо! Мы развеселим маму и порадуем её новостью. Операция плановая, но мама всё равно волнуется. А когда узнает о помолвке, ей будет на что отвлечься. Женщины обожают свадебные хлопоты, – беззаботно заявляет жених. Обняв меня, щурится. – Что-то не так? Ник, я знаю, что с братьями будет непросто, но только в первые минуты. Потом они оттают и будут за нас рады. Ты мне веришь?

– Да.

Даниле не нравится пауза, прозвучавшая перед «да».

– Ника, ты сомневаешься?

– Нет.

Нет. Нет. Нет. Да.

Глава 3. Мужчина, которого я люблю

– Помилуйте, я больше не могу смеяться! Анна Степановна, я не знаю, как вы справляетесь со своими мальчишками.

Склонившись к столу, устало прикрываю глаза. Три часа улыбок и напряжённого смеха утомили сильнее, чем физическая нагрузка. Мы приехали навестить мать Данилы и объявить о помолвке, и эта встреча стала для меня испытанием. Как и ожидалось.

Мать Данилы, пожилая, строгая женщина, хмыкает в ответ на мои слова.

– Это они для тебя стараются. Припасли самые глупые шутки для сегодняшнего ужина.

– И пошлые! – добавляет Данила, потешно дёргая бровями.

– И пошлые, – соглашается его мать и отодвигает стул. Сыновья бросаются на помощь, но она останавливает их нетерпеливым жестом. – Перестаньте надо мной трястись, словно я умирающая! И не надейтесь! Мне предстоит самая обычная операция, а вы раскудахтались.

Анна Степановна ворчит, пряча улыбку, и я поневоле проникаюсь к ней симпатией. Поневоле, потому что она отнеслась ко мне хотя и вежливо, но без особого тепла. Мало то-

го, что любимый Данечка неожиданно привёл в дом невесту, так я ещё и художница. Такая небось яичницу и ту сожжёт, да и характер наверняка взбалмошный. Чему тут радоваться, спрашивается?

Я читаю это в настоженном материнском взгляде. Она любит Данилу всем сердцем, поэтому я не обижаюсь, но и на дружбу с будущей свекровью не рассчитываю. Как сложится, так сложится.

Анна Степановна возвращается к столу с бутылкой.

– Раз уж такое веселье, то попробуйте наливочку. Жаль, мне с вами не выпить, но в следующий раз обязательно.

Даня разливает пахучую жидкость по бокалам.

– За успешную операцию!

Анна Степановна поднимает стакан с морсом, и сыновья тянутся к ней, чтобы чокнуться. Я оказываюсь придавленной к столу и даже не успеваю взять бокал.

Никто не замечает. Им не до меня.

«Отличная наливка!» «Мама, ты делаешь лучшую наливку!» – причмокивают сыновья. «Помнишь, как ты надевала на бутылки резиновые перчатки, они раздувались, а Данила говорил, что вино голосует?»

Анна Степановна – хорошая женщина со сложной судьбой. Об их семье ещё в школе ходили всякие слухи. Одинокая и незамужняя, она родила Данилу в сорок лет. Об отце ребёнка так никому и не рассказала. Отдала всю себя же-

ланному сыну, всю накопленную за годы любовь. В детском саду Данила подружился с двойняшками⁴ Лёшей и Ваней, причём так крепко, что даже кушать друг без друга отказывались. Так и росли неразлучными, и в школу вместе пошли. Говорят, их пытались определить в разные классы, но все трое устроили голодовку, и директор сдалась. А потом в семье двойняшек произошла трагедия – в аварии погибла мать. Анна Степановна стала единственной, кто нашёл подход как к мальчикам, так и к страдающему вдовцу. Они поженились, когда мальчики учились в шестом классе, и муж усыновил Данилу. Но судьба на этом не остановилась, и через два года после свадьбы отец двойняшек погиб в аварии. Остались четверо – сильная женщина, двое приёмных сыновей и Данила. Семья.

Они переехали в наш город, подальше от тяжёлых воспоминаний и поближе к месту, где Анна Степановна нашла новую работу.

Парни держались вместе. Помню, как в первый школьный день в десятом классе все трое стояли в дверях плечом к плечу, только что за руки не держались. Преданность друг другу ощущалась с первого взгляда. Их снова определили в один класс, хотя в этот раз обошлось без голодовки.

Последний раз я видела братьев Данилы на выпускном вечере. Все трое держались вместе, как и всегда.

---

⁴ Слово «двойняшки» используется для обозначения разнояйцевых (неидентичных) близнецов.

Теперь у каждого своя жизнь. Живут в одном городе, но видятся редко, в основном у матери дома. Однако связь жива, я чувствую её прямо сейчас. Нерушимые узы семьи.

И вот... Данила привёл в семью невесту.

С чего бы им радоваться? В школе я встречалась с другим парнем, а теперь, когда Данила обрёл популярность и деньги – опа и невеста! Да ещё которая не может толком ответить на вопросы о свадебных приготовлениях.

«Свадебное платье? Э-э-э... да, обязательно будет платье»

«Мы поженимся скоро, но не очень»

«Дети – это замечательно»

Проклинаю себя за косноязычие. Ещё бы сказала: «Дети – цветы жизни», меня бы вообще во двор выкинули.

Я хочу сделать Данилу счастливым. Мне с ним хорошо, пусть так продолжается и дальше. Но мне страшно двигаться с такой оглушающей скоростью. Что-то пугает меня, удерживает, и я не могу признаться в этом Даниле. Мои сомнения пробуждают в нём тьму, а я люблю его свет, его нежность.

Но мне не скрыть мои сомнения от родных Данилы – людей, любовь которых безусловна.

Иван сидит напротив меня – успешный, избалованный удачей. Он пошёл по стопам отца, занимается финансовым учётом. Умный парень, уверенный в себе и привлекательный. Каштановые волосы в идеальном порядке, лицо гладко

выбрито. Признаюсь честно: я поглядывала на Ивана в одиннадцатом классе, да и в десятом тоже.

Именно он за ужином отпускает большую часть шуток. При этом подмигивает мне, всячески флиртует, провоцирует. Вроде веселится, а глаза прищурены. Взгляд цепляется за меня, за каждый жест. Он меня проверяет. На уроках обществознания Иван сидел за соседней партой и таскал мои карандаши. Именно он удерживал Даню, когда тот пытался броситься ко мне на сцене во время памятного спектакля. И вдруг сюрприз – я невеста его брата. Хоть и сводного, но всё равно родного. В этой семье тепло и любовь заметны с первого взгляда.

Иван подливает мне вино. Когда он флиртует со мной, обнимает за плечи или берёт за руку, я ловлю на себе взгляд Данилы. Он следит за нами, но не вмешивается. Почему? Мне нужна его помощь. Я держусь вежливо, не флиртую с Иваном, но и оттолкнуть не могу. Морщусь под взглядом Данилы и запиваю неловкость вином. С каждым глотком обещаю себе остановиться, но после очередного вопроса о свадьбе снова подхватываю бокал. Жадно глотаю, чтобы затопить волнение.

Почему нельзя просто быть вместе и не вгонять чувства в официальные рамки? Зачем спешить? Зачем вмешивать родных в наши отношения?

– В детстве Даня говорил, что женится на воспитательнице детского сада, – улыбается Анна Степановна. – От них,

дескать, очень хорошо пахнет.

– Точно, говорил, помню, – смеётся Данила. – От них пахло творожной запеканкой.

Вся семья поворачивается и смотрит на меня.

Это происходит на самом деле? Они что, собираются меня нюхать?

– Ника, а ты хорошо готовишь? – интересуется будущая свекровь.

Данила молчит. Почему он молчит?!

– Я люблю готовить, – отвечаю ровным тоном.

– Даня похудел. – В голосе Анны Степановны обвинение.

Данила демонстративно ощупывает свой живот и закатывает глаза.

– Я похудел от любви! – заявляет трагичным тоном.

Иван давится смехом.

– Как ты посмел похудеть?! – заявляет громогласно. – Ника, у тебя неблагодарный жених. Уж я бы не похудел на твоей пище, – подмигивает и выразительно дёргает бровями.

Я выдаю в ответ кислую улыбку.

– Что Даня ест у тебя дома? – допрашивает Анна Степановна, не обращая внимания на клоунаду сыновей.

Я толкаю жениха локтем.

– Ответь, Дань!

Он давится вином, откашливается и смотрит на меня с упрёком.

– Я что, обращаю внимание на еду? Я же творческий че-

ловек, и ты это знаешь. Я ем то, что ты ставишь на стол.

Блин...

Анна Степановна смотрит на меня взглядом прокурора. Ага, понятно, мои грехи безмерны: я готовлю так плохо, что жених не замечает вкуса, а потом худеет.

Неужели Данила не понимает, как мне тяжело?

– Ника, а ты любишь музыку Дани? – вдруг спрашивает Иван, и меня настигает эпическое головокружение. Комната вертится вокруг, ладони становятся ледяными, а тошнота берёт за горло.

Я не хочу лгать этим людям. Не хочу, чтобы наши с Данилой отношения менялись. Со временем мы разберёмся, любовь это или нет. Сами разберёмся. Не хочу штампов, допросов, осуждения и пытливых взглядов.

Не хочу лгать, но и нарываться на осуждение его родных неприятно. Особенно потому, что Данила совсем меня не поддерживает. Бросил меня на растерзание его семьи.

– Данила очень талантлив, – отвечаю твёрдо.

Иван смеётся. Запрокинув голову, хлопая себя по коленям, он чему-то безумно радуется.

Анна Степановна оценивает меня ничего не выражающим взглядом.

Алексей, второй брат, скучаяще смотрит в окно. Нарочито меня игнорирует. Когда мы вошли в дом и Данила объявил о помолвке, его родные застыли, уставившись на меня

в шоке. Я не хотела появляться как снег в июле, но Данила настоял. Сказал, что хочет произвести эффект.

У него получилось.

Алексей первым пришёл в себя от шока. Поздравил нас, хотя и натужно, ради приличия. А уж как глянул на меня, вспомнить страшно. «Я тебе не верю!» – крикнул его взгляд. Поставил печать: «Отказать».

Они с Иваном не похожи. Алексей ниже ростом, но намного шире в плечах. Черты лица грубые, неправильные, и привлекательным его не назовёшь. Про себя он рассказывать не стал. Алексей и в школе был неразговорчив, да и посещал её редко. Занимался вольной борьбой и часто уезжал на соревнования. Возвращался с медалями и кубками, стал мастером спорта. Помню, как одноклассник распустил мерзкий слух о Даниле. Алексей взял беднягу за плечи, приподнял над землёй, сказал пару слов и отбросил в сторону. Без усилий. Такие как он не волнуются о мнении окружающих. Они формируют свои суждения и придерживаются их до конца.

Вот и сегодня он посмотрел на меня, не поверил в мои чувства, осудил и отвернулся.

Оба брата Дани мне не верят. Иван флиртует, проверяет меня, чтобы защитить Даню. Алексей же смотрит в окно и только изредка делает глоток пива, морщась, словно пьёт хлорку. Он мне просто не верит – и всё. Не пускает в семью.

Я смеюсь и шучу, но внутри металлической струной натянулась тревога.

Интересно, какие испытания мне придётся пройти, чтобы заслужить их доверие? Сорок лет счастливого брака?

Чтобы развеселить мать перед операцией, братья вырядились в ковбойские костюмы. В детстве они порушили полдвора, играя в ковбоев, и теперь решили воскресить прошлое на радость маме. По просьбе Данилы я купила ему ковбойский костюм, самый забавный из возможных. Он всё надел, даже шейный платок и шпоры, и красуется в них весь вечер. Только ремень не подошёл, слишком массивный на его узких бёдрах.

Увидев костюмы, Анна Степановна смеялась до икоты, особенно когда её великовозрастные сыновья прыгали по гостиной с криками «И-хо!». Я тоже хохотала до слёз. Завождениями, конечно же, были Даня с Иваном.

– Давайте последний тост! – говорит Анна Степановна. – За семью.

– За семью! – вторят сыновья и тянутся к матери. В этот раз меня не придавили, но и не включили в узкий круг. Я сижу с бокалом в руке и молчу.

– Ника, шла бы ты спать, деточка, на тебе лица нет от усталости. А шутники пусть убирают со стола, – улыбается Анна Степановна.

Я читаю между строк: мать хочет остаться наедине со своими мальчиками.

Я не обижаюсь, непритворно зеваю и желаю всем спокой-

ной ночи.

Пока остальные собирают со стола грязные тарелки, Данила настаивает меня у дверей и, притворно рыча, сжимает в объятиях.

– Эй, ты чего рычишь?! – смеясь, бросаю взгляд на остальных. Обниматься под гнётом трёх осуждающих взглядов не хочется.

Анна Степановна следит за нами с каменным лицом.

– Я р-р-рычу, потому что не обещаю тебе спокойной ночи. Готовься, я поднимусь следом! – хохочет Данила, не замечая их реакции.

Выходя из гостиной, я вижу, как он подхватил смущённую мать на руки и кружит с ней по комнате. Завтра рано утром сыновья отвезут её в больницу. Операция плановая, но у Анны Степановны проблемы со здоровьем, поэтому врачи боятся осложнений. Данила заранее сдал кровь, так как в городе дефицит, а у них с матерью редкая группа.

– Завтра будешь пить мою кровинушку! – напевает он, танцуя с матерью на руках.

– Прямо-таки пить! Будто я вампирша какая-то, – смеётся она.

– Да хоть и вампирша, зато самая любимая.

Анна Степановна притворно ворчит и поглядывает на меня светящимся синим взглядом, совсем как у сына.

«Вот видишь, Ника, мой мальчик любит меня, а не тебя», – говорят её глаза.

Я уважаю её материнскую нужду, поэтому киваю, добровольно оставляя ей первенство, и иду к тёмной лестнице.

Резники купили этот дом как дачу, но перестроили, утеплили, провели воду и отопление. Теперь Анна Степановна живёт здесь круглый год. Дом огромен, особенно прихожая, да и в гостиной можно устраивать вечеринки человек на двадцать. Лестница делает несколько поворотов, нависая над прихожей. Снаружи деревенская ночь, словно занавесь из чёрной ткани, только редкие звёзды нарисованы на ней серебрястыми кляксами.

Щёлкаю выключателем в прихожей, но света нет. Не хочу звать Данилу, поэтому крадусь в темноте. Я безумно устала и выпила слишком много вина. В арочном окне над лестницей видна луна, и я иду на её свет, осторожно нащупывая ступени.

Снизу доносятся голоса, звон посуды. Анна Степановна смеётся. Алексей спрашивает про доставку продуктов, бывают ли перебои из-за снега. Данила напевает рекламный мотив, и его мать подхватывает мелодию.

Моя новая семья.

Я невеста.

Невесть откуда взявшаяся, невесть как заарканившая любимого сына Анны Степановны.

Невесть какая невеста.

Звёзды очень яркие, нарисуешь – никто не поверит. Слов-

но с обычной ночью повозился неумелый любитель фотошопа. Кладу ладонь на холодное стекло, зная, что останется отпечаток. Окно наполовину занавешено, и я останавливаюсь в полосе скудного лунного света, глядя на звёзды.

За спиной раздаются поспешные шаги, и я улыбаюсь.

Данила.

Быстро же он справился! Небось выдал пару пошлых шуток, и мать выгнала его к невесте. Пусть не надеется, сегодняшняя ночь будет невинной. В старом деревянном доме слышен каждый шаг, и я не хочу, чтобы члены его семьи стали свидетелями нашей близости.

Данила подходит со спины и прижимается ко мне. Сильные руки обвивают талию, и я откидываюсь на его грудь. Прищурившись, смотрю на звёзды, пытаюсь поймать ракурс, в котором они покажутся реальными. От выпитого вина и усталости в голове лёгкое приятное покачивание.

– Тебя уже отпустили? Я думала, Анна Степановна захочет посекретничать. – Я прислушиваюсь к звону посуды на кухне. В гостиной хлопает дверь. – Посмотри, какие звёзды!

Данила целует меня в затылок, прижимается ближе, и в животе разливается предвкушающее тепло. Нет уж, я не собираюсь заниматься любовью в доме его матери.

– И не надейся, – шепчу. – Хочешь, чтобы нас застукали?

Его руки пробегают по телу, задевая грудь. Сказывается выпитое вино, неожиданно крепкое, и я позволяю себе расслабиться и насладиться лаской. Данила прижимается плот-

нее, руки исследуют моё тело. Резко втянув воздух, он подталкивает меня к подоконнику, и звон вазы о стену кажется неожиданно громким.

– Тихо, а то нас услышат, – шепчу, улыбаясь.

Данила наклоняет меня вперёд, ласкает моё тело.

Завожу руку назад, но он не позволяет прикоснуться к его лицу. Отодвигает меня в сторону, за занавесь, где совсем темно.

Прикрыв глаза, наслаждаюсь. Сегодня Данила другой – настойчивей, грубее. Наверное, потому что нас могут застать в любой момент, и его это заводит.

Может, нам и удастся, только если очень тихо, пока все внизу... ведь наша спальня на третьем этаже. Я устала бояться мнения его родных. Их первое впечатление обо мне, как невесте, и так хуже некуда.

Данила вжимается бёдрами в мою спину.

– От тебя пахнет салатом оливье, – посмеиваюсь. – Запах брутального мужчины.

Когда любишь человека, говоришь всякие глупости, которые приходят в голову. Потому что доверяешь ему как себе и не сдерживаешь порывы.

Данила ласкает мою грудь, его бёдра до боли вжимаются в мою спину. Возбуждённое дыхание пропитывает мои волосы теплом. Я пытаюсь повернуться к нему лицом, но он не позволяет. С силой сжимает руки.

Что-то не так.

Не знаю, откуда появляется эта мысль, но она, как раз-верзнувшаяся под ногами пропасть. Как ледяные кубики за шиворот рубашки.

Что-то не так.

Может, дело в затянувшемся молчании? Обычно Данила как ураган, вечно в движении, полон шуток и музыки. Даже во время секса иногда напевает мелодию. А сейчас молчит, не сказал ни слова. Почему он не позволяет мне обернуться?

Смотрю вниз на его руки, но в темноте почти ничего не видно. Не знаю, что не так, но страх стекает по плечам холодными струями.

Часть меня – душа, наверное? – уже догадалась об обмане, но разум отстаёт, всё ещё расслабленный под влиянием момента, крепкого вина и любимых рук.

Его пальцы водят по моим губам, касаются языка, снова спускаются к груди.

Бёдра. Его бёдра с силой вжимаются в мою спину.

Спираль паники растягивается до предела.

Я знаю, что не так.

Осознание взрывается вспышкой.

Пряжка чужого ремня царапает спину. Громко звякает при движениях.

Пряжка ковбойского ремня.

Данила не смог надеть ремень, он оказался большим и неудобным, и мы оставили его дома. Всю дорогу смеялись

над тем, как вот-вот упадут его ковбойские штаны.

На Даниле нет ремня.

Иногда мысли текут слишком медленно, и ты знаешь, что потом будешь клясть и презирать себя за эту задержку.

И тут я слышу далёкий смех Анны Степановны.

– Данька, ты, ей-богу, как ребёнок! – хохочет она. – Тебе в детский сад надо, а ты жениться надумал.

Воздух вырывается из лёгких с хлопком.

Данила с матерью на кухне.

Ласкающие меня руки замирают. *Чужие руки.* В них я признала жениха, которого должна помнить, чувствовать и любить настолько, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не спутать с другим мужчиной.

Моё тело взрывается бурей гнева, готовясь напасть на обидчика, но уже поздно. С силой толкнув меня к окну, мужчина перемахивает через перила, растворяясь в темноте прихожей. Я еле удерживаюсь на ногах, повиснув на подоконнике в овале серебристого лунного света. Неровном, словно надкусанном тьмой.

С криком «Стой!» отталкиваюсь от пола и прыгаю через несколько ступеней, не касаясь перил. Я одержима разоблачением, но, к сожалению, меня подводит обувь. На повороте каблук цепляется за край ковра, и я лечу вниз, подсчитывая ступени задом.

– Что за... – раздаётся крик Ивана, и ко мне спешат все четверо. Данила с матерью выходят из кухни, на ходу вклю-

чая свет в коридоре. Данила держит в руках блюдо и столовую ложку, запыхавшаяся Анна Степановна держится за сердце. Иван появляется из гостиной, из неё два выхода, один на кухню, второй в прихожую. Алексей выходит из ванной, вытирая руки о полосатое полотенце.

Я всё ещё падаю, но их появление запечатлевается в памяти, как первая страница детективной истории. Испуг в глазах жениха, рассыпанные овощи на ковре. То, как Данила несётся ко мне, расталкивая братьев. Хмурый взгляд Алексея, скользящий по моему телу в поисках повреждений. Протянутые руки Ивана и крик на его губах.

Анна Степановна прислонилась к стене. Она тяжело дышит и держится за сердце.

– Что ж ты так... – бормочет непонятно кому.

– Мама! – Все, кроме Данилы, бросаются к матери.

– Да в порядке я, лучше займитесь Никой! – ругается она, но братья Данилы поддерживают её с двух сторон. Пряжки ковбойских ремней отсвечивают тусклым металлом.

– Ник, ты в порядке? – Данила нервно меня ощупывает. – Ничего не сломала?

– Нет, только ушибла. Ничего страшного, просто каблук зацепился.

– Ты меня напугала, глупая! – сипло выдыхает он, прижимая меня к груди. – Почему не включила свет?

Иван пробует выключатель в прихожей и хмуро смотрит на лампочку.

– Перегорела, – бурчит. На минуту исчезает на кухне и, вернувшись, меняет на новую.

Я морщусь от слишком яркого света.

– Надо было меня позвать или хотя бы включить свет в коридоре. – Данила смотрит на лестницу, где валяются туфли на высоких каблуках. – Говорил же, возьми с собой тапочки, а не эти ходули.

Он злится от испуга, от волнения. С силой сжимает мои плечи.

Пользуясь моментом, провожу рукой по его поясу, хотя и так знаю, что ремня на нём нет.

Шок находит на меня холодными волнами.

Алексей идёт к лестнице, но я сижу на его пути. Не замедляя шага, он прыгает через перила и поднимается наверх, по пути осматривая ковёр.

– На повороте надо закрепить, а то все попадаем. Завтра сделаю, а пока смотрите под ноги.

Он прыгает обратно.

Потирая ушибленную ногу, я слежу за его передвижениями. Ещё не полностью осознала случившееся, но уже фиксирую улики. Алексей Резник с лёгкостью прыгает через перила.

– Ты у меня попрыгай! – ворчит Анна Степановна, всё ещё держась за сердце. – Сколько лет твержу: лестница не для прыжков. Так нет же, вырастила кузнечиков, вот и пообтёрли ковёр.

Иван качает головой и нервно усмехается.

– Твоё падение сотрясло весь дом, а ведь в тебе росту-то всего метра полтора. Да и крикнула ты на славу, такого громкого «Ой!» я ещё не слышал.

Не «Ой!», а «Стойте!», и если на лестнице со мной был Иван, то он об этом знает.

Иногда, чтобы твоя жизнь изменилась, достаточно секунды. Секунды длиной в молчание.

Я должна выкрикнуть правду прямо сейчас, обвинить братьев Данилы и защитить себя. Но секунды растягиваются вязкой массой, сотни мыслей встают на пути правды, и я молчу. Смотрю на Анну Степановну, бледную, тяжело привалившуюся к стене, и молчу. Если я сейчас расскажу о случившемся, Данила разозлится и набросится на братьев. Начнётся драка. Ничем хорошим это не закончится. Анне Степановне станет плохо, и я боюсь последствий. Их семья срослась вместе в результате нескольких катастроф, и я стану последней, решающей, самой разрушительной.

Эти картины калейдоскопом проносятся перед глазами.

Я должна сказать правду, попросить защиты, разбить жуткий ком, растущий в моей груди. В том, что случилось, нет моей вины. Никакой.

Или почти никакой?

Пусть презирают меня за то, что я не сразу опознала чужого мужчину. Я устала, слишком много выпила, поверила

теплу этой семьи и ослабила бдительность. Пусть презирают меня за то, что я никудышная невеста.

Я хочу сказать правду, но...

Я боюсь, и дело не только в Анне Степановне.

Я не знаю, поверит ли мне Данила. Его ревность внезапна и непредсказуема. Он словно ждёт, когда я оступлюсь, допущу ошибку.

Простит ли он мою невнимательность?

Поверит ли, что это было случайностью?

– Ты ударилась головой? – Он волнуется, стоит рядом на коленях. – Почему ты так странно смотришь, совсем не моргаешь?

– Это просто шок, я в порядке.

Колеблюсь на грани решения, сжимаю губы, удерживая взрывную правду.

– Мам, шла бы ты спать, мы сами всё уберём. Завтра тебе в больницу, – ворчит Иван.

Данила чмокает меня в лоб и спешит к матери.

Все четверо обнимаются посреди прихожей королевских размеров. Трое мужчин и маленькая женщина, их вырастившая. Любящая, нерушимая семья. Яблоко с червём, семья с предателем.

Хочется перетрясти мысли и найти единственную правильную. Хочется содрать с себя кожу, везде, где ко мне прикасался чужой мужчина. Ощущаю себя грязной, униженной,

жалкой.

Неуверенно поднимаюсь и проверяю входную дверь на случай, если в дом пробрался посторонний. Но нет, дверь заперта. Конечно же заперта, иначе и быть не может.

Смотрю на братьев Данилы, бывших одноклассников. Серые глаза и карие. Нечитаемые лица. Перевожу взгляд на мать и вижу в её глазах вызов. Такой сильный, что по спине бежит холодная дрожь. Словно Анна Степановна знает о случившемся и одобряет поступок приёмного сына. Того, кто осквернил, оскорбил недостойную невесту любимого Дани, её кровинушки.

«Попробуй прикоснись к моим мальчикам», – говорят её глаза.

«Прикоснусь», – мысленно отвечаю, приняв решение. Не сейчас, не здесь, но я во всём разберусь. Мы с Данилой во всём разберёмся вместе. Обидчик заплатит за содеянное.

Данила обязательно мне поверит. Ведь поверит же?!

Перевожу взгляд на Ивана, потом на Алексея и даю им бессловесное обещание. Моё молчание сильнее и громче любой угрозы.

***

Я не сплю всю ночь, лежу, прикусив щёку. Холодная как труп, отсчитываю минуты молчаливой лжи. Обещаю себе, что мы с Даней во всём разберёмся, что отомстим, только

не сегодня. Я не стану рисковать здоровьем той, кто подарил ему жизнь. Полагаю, что именно на эту мою слабость и рассчитывал один из её приёмных сыновей.

Анна Степановна не питает ко мне симпатии, но я не могу не уважать её за любовь к чужим детям, ставшим родными, и за боль, пережитую с достоинством. Она мать, доказавшая свою любовь. Как ни поворачивайся, а я на её стороне.

Пусть операция пройдёт без проблем. Даня будет рядом с матерью, не станет отвлекаться на меня. Я не нарушу их покой, пока всё не закончится.

А потом...

Алексей или Иван? Иван или Алексей?

Чего они добиваются?

Если хотят расстроить помолвку, то есть способы попроще, чем самим пачкать руки и разрушать братскую дружбу.

Лицо горит от стыда и ярости. Вечером я извела уйму горячей воды, смывая с себя следы чужих рук. Шок выходил из меня бурными волнами, стекая в водосток. Картины прошлого вечера не давали спать.

Скудный лунный свет, отражённый в звёздах.

Отпечаток моей ладони на стекле.

Почему я не обернулась? Почему так доверчиво откинулась на чужую грудь и закрыла глаза? Ведь знала же, что Данила кажется другим, порывистым и грубым. Почему не поднесла его руки к свету?

Я болтала, а он молчал, не сказал ни слова.

Почему не сразу заметила пряжку?

Почему, почему, почему.

Данила быстро засыпает, а я лежу и смотрю в темноту. Хочется разбудить его и сказать правду, но я боюсь. В доме его матери, на его территории боюсь столкнуться лицом к лицу с его недоверием.

Однако меня не сломить. Я гибкая, как прут, и живучая, как кошка.

Когда звенит будильник, Данила недовольно ворчит и тянется ко мне всем телом.

– Раньше я любил спать по утрам, а теперь я люблю тебя, особенно по утрам, – бормочет мне в шею.

Моя кожа, чувствительная после обжигающего вечернего душа, словно покрывается изморозью от его прикосновений.

– Я не могу, подожди!

Резко поднявшись, Данила потирает глаза.

– Тебе плохо?

Секунды звучат как щелчки пряжки ковбойского ремня.

– Меня немного потрянуло во время падения.

– Так... собирайся! Поедешь с нами в больницу, пусть тебя осмотрят.

Представляю нас в машине, всех вместе... Меня посадят рядом с одним из братьев. С каким? С тем, кто касался меня на лестнице?

– Нет! – захожусь кашлем от внезапного крика. – Прости,

я немного не в себе. Ничего страшного, просто устала.

Выдохнув, Данила плюхается обратно на постель.

– Не пугай меня так! Тогда спи, ещё нет пяти утра. Мы с Ванькой отвезём маму, а Лёшу я попрошу за тобой проследить.

– Нет, не надо, Дань! Я сама справлюсь. – Старательно улыбаюсь, чтобы усыпить его подозрения. Я не хочу видеть его братьев, не хочу и не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.